
Мохаммад-Казем Мазинани

**ПОСЛЕДНИЙ
ИЗ
САЛАРОВ**

Иранский бестселлер

Иранский бестселлер

Мохаммад-Казем Мазинани

Последний из Саларов

«Садра»

УДК 821.222.1-31
ББК 84(5Ирн)6-44

Мазинани М.

Последний из Саларов / М. Мазинани — «Садра», — (Иранский бестселлер)

ISBN 978-5-906859-45-7

Роман современного иранского писателя Мохаммада-Казема Мазинани «Последний из Саларов» рисует масштабную, красочную и яркую картину мира, канувшего в прошлое, на примере одного семейства, переплетенного всеми корнями с историей своей страны, неотделимого от ее прошлого, настоящего и будущего. Это история семьи Саларов из княжеского рода Каджаров, правившего Ираном на протяжении полутора веков. Каджары уступили трон самопровозглашенным шахам Пехлеви, которых, в свою очередь, смел ураган Исламской революции. И вот теперь последний отпрыск знатного рода вспоминает собственную жизнь и то, что происходило еще до его рождения, те события, которые он знал лишь по рассказам прадеда... Для широкого круга читателей.

УДК 821.222.1-31

ББК 84(5Ирн)6-44

ISBN 978-5-906859-45-7

© Мазинани М.

© Садра

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	48
-----------------------------------	----

Мохаммад-Казем Мазинани

Последний из Саларов

*Ты хочешь
Тайну, что во мне,
Для всех на свете объявить
И шаха, скрытого пока,
Для всех на свете предъявить.
Джлал ад-дин Руми*

Издание подготовлено при поддержке Фонда исследований исламской культуры

©Фонд исследований исламской культуры, 2016

©ООО «Садра», 2016

* * *

Тыходишь в диагностический центр, и в нос ударяет странный запах: воняет болезнями и бедой. Девочка за стойкой сквозь голубые линзы смотрит на тебя фальшивым взглядом, а ее манера жевать резинку выражает насмешку над человечеством.

Как овца, не желающая идти на бойню, ты остановился перед ней и поздоровался. Но ответного приветствия не услышал. Потом всё же фиалковая расселина рта раскрылась, и из-за зубов, скованных ортодонтической проволокой, зазвучал голос.

– Слушаю вас.

Ты протягиваешь ей лист заказа, и она, раздраженно взглянув на него, отвечает:

– Анализ не готов. Ждите.

И ноготок с черным лаком, украшенным звездочками, указывает в холл.

– Присядьте. Я вас вызову.

Только теперь, оглянувшись, ты видишь остальных. На пластмассовых стульях сидят мужчины и женщины, с лицами бесцветными, быть может, от люминесцентных ламп, и ждут важнейшего ответа в своей жизни; в нем будет коротко, ясно и по существу подытожена тайна их судьбы.

И вот ты садишься на такой же стул и бездумно смотришь на молодые энергичные стенные часы, стрелка которых движется вперед скачками, и вскоре и твою судьбу эти часы откроют, подведут итог семидесятилетних ударов твоего сердца, никогда не желавшего биться по чужой воле; твоих печенок, более озабоченных общественной чистотой, чем собственным благополучием; твоих кишок, что ради поддержания пламени жизни трудились в неизбывном мраке, сжимаясь на манер червей; твоего желудка, чью работу нельзя свести к выделению ферментов и растворению питательных веществ: порой и желудок становился твоим оружием. Но сейчас твои изношенные органы трудятся через силу и словно ждут сигнала для того, чтобы тебе отомстить: ведь все тела рано или поздно предают своих хозяев.

Люди встают по одному, получают ответы и исчезают в темноте лестничной клетки. А ты всё ждешь; точно так же, как ждал, по сути

дела, всю жизнь. Не результатов анализа мочи, кала или крови; то было другое, но всё равно – ожидание, постоянное и повсеместное. Под окнами ты караулил появление полицейских и на улицах долго ждал, чтобы убедиться: с товарищами – порядок; и в суде: пока судья огласит приговор; за тюремной решеткой ты ждал освобождения; а в детстве ты ждал, что ответит твой прадед, шазде¹, на твой вопрос:

– Ваше высочество, зачем Полосатка на меня уставилась?

Никто не знал, откуда взялась Полосатка. Однажды летом, ровно в пять вечера, кошка важно уселась прямо на террасе против главных покоев, уставилась на накрытый для курения опиума стол шазде. И взгляд ее был столь обжигающе навязчив, что старый князь вдруг вышел из себя и, взглянув на кошку столь же горячо, сказал Мирзе-хану:

– Эта сукина дочь так смотрит, будто весть плохую принесла.

Мирза-хан кивнул и трубку для курения опиума поднял так бережно, словно это был грудной младенец; и положил ее на мангал, причем хорошо был виден украшающий чашечку трубки портрет «киблы мира»²: вероломные усы и скорбный взгляд.

А Полосатка продолжала разглядывать вход в главные покои особняка. Тогда шазде схватил с мангала раскаленные щипцы и покрутил ими в воздухе – животное не пошевелилось. Даже веки не дрогнули.

– Эй, Султан-Али, а ну-ка прогони эту бесстыжую тварь!

Султан-Али, с засученными рукавами, взошел на террасу и, как только увидел Полосатку, сердце его так и зануло. Кошачьи глаза, словно пламенеющие угли, обожгли болью его глаза. И он начал шептать молитву и осторожно говорить животному: «А ну, брысь!»

– Чего делаешь, дурень? С котами человеческим словом не говорят!

Султан-Али, словно хотел посадить на гнездо суматошную курицу, развел руки и пошел на кошку. Она встала, потянулась и неохотно прыгнула с террасы на трельяж виноградника – а винограднику этому исполнилась по меньшей мере сотня лет...

Салар-ханы рождались на свет в этой усадьбе поколение за поколением со времен Фатх-Али Шаха³. Их предок, которого так и называли «Большой шазде», был одним из бесчисленных сыновей Шаха-бабы⁴, и, поселившись здесь, он каждую ночь с четверга на пятницу бодрствовал допоздна в хижине в глубине сада, в неверном свете фонаря; быть может, просто чтобы не забыли, что он еще жив. Согласно его завещанию, его тело после смерти завернули в войлок, отвезли в Кербелу и там предали земле. Сам он всегда говорил, что могилы у него не будет.

Усадьба состояла из внешней, мужской половины и из внутренней – женской. На внешней половине стоял высокий особняк с парадным входом и главным залом, с гостевым домом и жилыми покоем; тут имелась большая кухня, конюшня, хлев и прочие службы. Внутренняя усадьба, размером поменьше, соединялась с внешней крытым коридором.

Помещения хозяина ломились от разного добра и утвари: тут были керманские ковры ручной вышивки и хрустальные вазы, фаянсовые блюда и бронзовые подсвечники, фарфоровые чаши и кубки, шкатулки из трехцветных опалов, часы с узорами по эмали и кашмирские шали с коронами и венцами, кувшины с инкрустациями и резные столики... И повсюду разбросаны подушки для сидения. Почетное место на стенах Салары отводили саблям и огнестрельному оружию: от «маузеров» до дедовских ружей, заряжаемых со ствола. Несколько голов гор-

¹ Шазде – титул потомков династии Каджаров, правившей Ираном с 1795 по 1925 г.

² «Кибла мира», «средоточие вселенной» – титулования иранских шахов.

³ Фатх-Али Шах – второй шах Ирана из династии Каджаров, правил с 1797 по 1834 г., племянник и преемник основателя Каджарской династии – скопца Аги Мохаммеда.

⁴ Прозвище Фатх-Али Шаха.

ных козлов торчали из стен главного зала, и их стеклянные глаза изумленно таращились прямо перед собой, словно смеялись над подстрелившими их охотниками.

Шазде, сын «Большого шазде», в основном проводил свою жизнь именно в этом здании. В молодости он был главой совместной «Ирано-русской пограничной комиссии», и многие страницы Ахалского договора были украшены его личной печатью. Его единственная оставшаяся в живых жена, которую все называли «Ханум ханума⁵», жила на женской половине. Уже давно спали они с ней в разных комнатах. Точнее говоря, Ханум ханума, по ей одной известным причинам, с определенного момента приказывала стелить себе отдельно от мужа.

У шазде родилось двенадцать сыновей и одна дочь, от разных жен. Десятым его сыном был Салар-хан; его родила Ханум ханума. И только этот сын остался жить с ними, остальные разъехались кто куда. Однако после того как Салар-хан сделал своей временной женой дочку старосты деревни Майан, между ним и его женой Таджи пробежала черная кошка. Ибо Таджи ни под каким видом не соглашалась впустить эту женщину в усадьбу, даже в качестве прислуги. И слова жены перевесили, ведь она уже была частью рода Саларов. Но и Салар-хан был упрям и переехал жить в деревню, под предлогом того, что так ему ближе к полям, садовым работам и мельнице с плотиной.

«Господин капитан» был сыном Салар-хана и Таджи, правнуком шазде; в свое время он чуть не свел с ума всю семью, решив пойти в армию. Хуже всего было то, что он там, в столице, взял себе жену – «современную штучку», которая, по словам шазде, была не из их глины, другая по всем статьям. Правда, эта тегеранская жена, Судабе-ханум, родив сына, в какой-то степени закрепилась в усадьбе, ведь ее сын был вылитым Саларом, лишь его франтовское имя прадед не принял и называл его «Остатки-Сладки»; так это прозвище к нему и прилипло.

Люди из семьи Султана-Али были потомственными слугами Салар-ханов, и жили они в сторожке возле крытого коридора. У Султана-Али и его жены Шабаджи была всего одна дочь и двое сыновей. Больше плодиться не разрешил старый шазде: мол, нечего тут рожать семейных, восьмерых, а то и десятерых... нечего! Лакейство было не единственным занятием Султана-Али. Случалось, нищие местные женщины приносили ему своих больных детей, и он их вылечивал. Никто так, как он, не умел поплевать на рану и растереть или обвести болячку особой чертой... А когда шазде не видел, то и господская конфета отправлялась в рот больному.

Под террасой перед входом в особняк находились две каморки, которые все называли просто – «берлоги», а в них жили две «бабы-яги»: старушки, о которых никто уже и не помнил, были ли они в молодости чьими-то женами или рабынями, служанками или кормилицами. Имена у них были те еще: Обрез-Коса и Быстроножка; первая смуглая, вторая – кровь с молоком. Хотя они были сильно в возрасте, но без дела старались не сидеть: то возились с сухим кислым молоком, разводя его, то раскладывали на солнце сушиться зрелые абрикосы – получалась отличная курага. То на подносах зерно перебирали, а еще орехи кололи, чистили гранаты или отскребали нагар с пекарных форм... Если совсем работы не было, то сидели на солнце, запасая энергию впрок. А порой, когда Быстроножка была в ударе и мужчин поблизости не наблюдалось, она надевала парик, деревенскую короткую юбку и начинала звенеть бубном и зазывно танцевать и гримасничать. Представления эти бывали искусны, и настолько, что собиралась и усадебная прислуга, и даже местные женщины, хохотали чуть не до обмороков. Обрез-Коса тоже была первоклассная «машатэ» – наряжальщица; решив потряхнуть стариной, она, бывало, кипятит в кастрюльке гранатовую кожуру или красильную марену, потом женщинам волосы красит. Или при помощи хны и промасленной бумаги, из которой ножницами вырезала трафареты, она на ладонях и ногах женщин делала похожие на татуировку картинки: всмотришься – рот разинешь. Жаль, что чаще всего она бывала сильно не в духе: пудом меда не подмажешь. Злобилась и всё ворчала и хмурилась, и цеплялась ко всем, а иногда и вовсе не

⁵ Ханум ханума – дословно: госпожа над господами.

вылезала из «берлоги» по несколько дней. В таком настрое она всё возилась с какой-то ветостью и раздраженно дергала морщинистым ртом. Говорили, что в молодости и колдовством она занималась, но в последнее время никто за ней этого не замечал. Разве что Быстроножка видела однажды, как та втыкала иглу в восковую куклу, которую сама же и слепила.

На закате солнца две «бабы-яги» ужинали и шли спать в свои «берлоги»; и Остатки-Сладки после заката боялся проходить мимо «берлог», особенно Обрез-Коса пугала его: глазки ее блестели из темноты, как звериные.

...Глаза шазде вспыхнули от ярости: он вращал ими в глазницах, и взгляд его накалялся и пылал как угли в проволочной корзинке⁶. Опять явилась кошка Полосатка и сидела на террасе, неотступно наблюдая за каждым движением старого князя. Кошачий этот взгляд был скорее взглядом человека, чем животного; это было приоткрытое оконце на поле Страшного суда⁷, неземное предупреждение, чрезвычайное сообщение из неизвестного нам мира.

Шазде взял раскаленные щипцы и внезапно бросил их в кошку. С непостижимой ловкостью она сразу оказалась на другом месте, но так зашипела, что на месте сердца у князя словно бы образовалась пустота.

– Чертова тварь! Только ее тут не хватало... Султан-Али, выбрось-ка со двора это наглое животное!

От гнева шазде чуть удар не хватил. Согласно записи на фамильном Коране, возраст его достиг девяносто пяти лет; у него были толстые, подкрученные на концах усы, а кожа лица словно дубленая, искусно выделанная; раз в два дня Султан-Али его брил. Хотя шазде не был очень высок, но фигуру имел внушительную, под стать своим предкам. В последнее время, однако, он всё чаще чувствовал слабость. Грыжа его надулась как жабий зуб, а сердце то и дело пускалось иноходью...

Ум шазде всегда опирался в основном на породу и происхождение его семьи; по той же причине и его признавали мудрым и рассудительным. Еще несколько лет назад любому, у кого в городе возникали трудности, не миновать было усадьбы старого князя. Шазде был тем самым человеком, который способен воду из арыка, потекшую в сторону, вернуть в ее главное русло. Ему известно было, в какой срок нужно вести коров на случку и когда засеять поля, и в мистерии Ашуры он точно знал, какую роль играет легендарная пальма. Его счастливая звезда сияла высоко, и выпало ему прожить долгую жизнь, почти не болея; точно так же и поля его плодоносили лучше, чем у других, и вода в арыках никогда не иссыкала. Разумеется, жизнь его также имела и пятна – черные и багровые, – особенно в молодости и даже в детстве.

Семя, от которого родился шазде, было засеяно в этом самом особняке, ровно за двадцать лет до заключения Ахалского договора, в той самой зале с лепными нишами и отделкой потоков зеркалами, в которой позже зачаты были и единственная его дочь, и двенадцать сыновей – от жен постоянных и временных... Как всё это происходило? Беспомощное барахтанье этих жен (чаще всего – совсем молоденьких девочек), и их умоляющий взгляд снизу вверх, на величественный потолок этого зала; и эти их трогательные шелковые рубашечки с завлекательными фестончиками... И вот, прямо на туркменском ковре, на котором двести лет назад две лани запутались в шелковых нитях, да так и не смогли вырваться никуда, как ни бежали изо всех сил...

...Мирза-хан понял, что старому князю он больше не нужен, и отправился домой, где, кстати, не нашел успокоения. А шазде взял Остатки-Сладки за ручку и пошел с ним на их обычную прогулку по двору, в предвечерней тени чинар, в мужественном запахе от кустиков железняка...

⁶ Проволочная корзинка – приспособление для разжигания углей.

⁷ Поле Страшного суда – поле, где, по верованию мусульман, будут собраны люди в день Страшного суда.

Мальчик задрал головку и так, по-детски, увидел своего прадеда: в бухарской меховой шапке, с тростью из черного дерева... Тот казался даже выше чинар. И мальчик всё больше запрокидывал голову, словно следил за улетающими перелетными птицами, а ножки поднимал так, будто боялся наступить на что-то нехорошее.

Шаркая, из коридора вышел Султан-Али и объявил, с приемами настоящего камерди-нера, уронив набок голову:

– Господин Шахандэ пожаловали.

– Отлично... Прости. Прямо здесь сядем, в беседке.

Появился господин Шахандэ, дальний родственник шазде, аккуратный и отутюженный, с гитлеровскими усами, в бостоновом костюме в полоску и с шапкой-пехлевийкой в руке. За границей он выучился на инженера-путейца, и теперь, вот уже несколько лет, с большим количеством рабочих и техников они тянули железную дорогу на Мешхед.

Шахандэ, заходя в беседку, увитую иранским шиповником, нагнулся под цветками, почтительно пожал руку шазде и уселся, переводя дух.

– ...Очень приятно, очень приятно! – Задержав взгляд на Остатки-Сладки, он спросил: – Имею честь видеть сыночка вашего?

– Куда там! – старый князь нахмурился. – Наследник более далекий: он внук Салар-хана, сын господина Капитана.

– Ну что ж, иншалла, ваша светлость и праправнука увидит.

– Не богохульствуи, Шахандэ! Жизнь сынов человеческих в возрасте за восемьдесят вообще не идет в счет.

Шабаджи принесла чай и блюдо с абрикосами нового урожая. Остатки-Сладки взял абрикос, съел его, а косточку бросил в бронзовую тарелку, на которой сокол гнался за голубем, но, как ни бил крылами, не мог догнать.

Шахандэ тихо, так, чтобы не потревожить даже черных, усатых рыбок в бассейне, сказал:

– На днях наследник престола приезжал с инспекцией железной дороги. И по виду его я понял, что он абсолютно, ни на грамм не подходит для управления страной. Факт тот, что от отцовской силы у него, ну... ни жилы нет!

«Ни жилы нет!» – произнес Шахандэ, и Остатки-Сладки вздрогнул, ему показалось, что он услышал слово «джинны». И он оглянулся на темную дверь крытого водохранилища, и тут впервые в жизни увидел настоящего джинна, который выглянул из этой дверцы и вдруг прыгнул на абрикосовое дерево, потряхнул его и заставил посыпаться абрикосы. Наверняка Шабаджи опять рвала их, не прочтя молитву «Бисмилля»! А ведь Султан-Али говорит, что «они» (нечистая сила!) стерегут под деревьями, и если кто-то, не прочитав «Бисмилля», тронет дерево, то все фрукты так и осыплются на землю!

Теперь Остатки-Сладки заметил, что джинн смотрит на него из листвы, да еще соорудил ему рожу! Мальчик так перепугался, что изо всех сил зажмурил глаза и спрятался на груди у шазде, который своими большими ушами напряженно вслушивался в слова Шахандэ и качал головой.

Осторожно мальчик снова открыл глаза. Джинн не исчез; теперь он передразнивал старого князя: сидел возле бассейна и, как и шазде, с важностью кивал. Остатки-Сладки подумал, что, если он расскажет прадедусшке, какими злыми делами занимается джинн, тот прикажет Султану-Али привязать джинна к фалаку⁸ и всыпать ему как следует. И как только он об этом подумал, так и увидел джинна, привязанного к фалаку, а прадедусшка бьет его палкой по пят-

⁸ Фалак – орудие телесного наказания в виде длинной палки с веревочной петлей посередине, в которую продевали ноги наказываемого и подтягивали вверх для битья по пяткам.

кам. Волосатые его, с копытами, ноги, продетые в петлю, трясутся, а черные эти его кругляши от страдания надулись, набухли – прямо как черные сливы на ветках...

...И вдруг Остатки-Сладки задрожал от холода, заструившегося по его ногам, и проснулся.

– Эй, там... Возьми-ка ребенка от меня. Провонял всю беседку!

Шабаджи подбежала и взяла его на руки, и, отнеся к сторожке, передела ему штанишки. Остатки-Сладки хотел опять вернуться в беседку и посмотреть, как наказывают джинна, но Шабаджи не пустила:

– Разве не видишь, его высочество гостя принимают?

Он заревел, и Шабаджи вынуждена была обратиться к матери:

– Судабе-ханум?!..

Из окна гостевого дома выглянула мама, и тегеранская ее красота осветила весь двор.

– А тебе что? Пусть идет!

Остатки-Сладки опять побежал в беседку. Шазде раздвинул ноги и уперся тростью в щель между двумя кирпичами пола. Лишь уважение к этому неожиданному гостю заставило его так долго здесь сидеть и слушать многословие Шахандэ. Обычно, как все знали, он с собеседниками не церемонился. Лишь один был человек, которого шазде мог долго слушать и даже кивать его словам, – Мирза-хан, напарник по мангалу.

Шахандэ понял, что пора закругляться.

– Прибыл с целью консультации, так как, по мнению вашего покорного слуги, режим диктатуры его величества куда возвышеннее демократизаторства этого молодого, но нестойкого. И, как бы ни повернулось, по общему мнению, насчет реакции духовенства можно не беспокоиться...

Шазде встал и, расправив плечи, произнес:

– Народ, который в самом английском посольстве готовит религиозные пожертвования в виде плова с мясом, заслуживает, чтобы его шахом стал этот молодой негодяй.

Они пошли в сторону крытого коридора. Поравнявшись с бассейном, шазде указал тростью на полосатую кошку, которая наверху увитой шиповником беседки устроила засаду и караулила соловья.

– Прославляемое английское правительство напоминает мне вот эту бесстыжую кошку, которая, как мы ее ни гоним, все равно пролезает в усадьбу.

– Но вашему покорному слуге кажется, – заметил Шахандэ, – что наследник не является англофилом.

– Не обольщайтесь, – ответил шазде. – По моему скромному мнению, все на свете – англофилы, кроме разве тех, кто мертвыми выходят из утробы матери.

И он вновь нацелил трость на Полосатку и со злостью прошипел:

– Сукина тварь!

Причем, произнося звук «с», он так сжал свои вставные зубы, что Остатки-Сладки почувствовал это на своих зубках: так бывает, когда во время еды нечаянно прикусишь камешек или песчинку.

– Господин Салари?

Ты встаешь и подходишь к стойке. Девочка так на тебя смотрит, точно видит все твои внутренности насквозь. Отдает тебе бланк с результатом анализа и тянет руку к коробке со склянками – в твоём детстве была такая игра, «угадай-ка», – в этих скляночках образцы и пробы.

– Этот образец вы должны еще отнести в центральную лабораторию.

Держа в руках склянку и листок анализа, ты направляешься к выходу из медицинского центра. К врачу сегодня идти уже нет сил. Тебе подарили еще

один день, так пользуйся им. И лучше всего сейчас пойти домой. Лишь рядом с твоей женой ты забудешь о всяких анализах.

На улице ты чувствуешь между собой и прохожими пугающую дистанцию. Обычное обследование, а чего только оно ни делает с человеческой жизнью! Как знать? Может, многие из тех, мимо кого ты сейчас идешь, носят в своих телах некую весть, а вестей от нее не получили. Твое отличие от них в том, что ты сдал анализы, а они нет. И у тебя есть жена, хозяйка, а у них...

Вставляешь ключ и открываешь дверь. Спуститься на четыре ступеньки, и вот ты дома, в собственном пространстве, полном знакомых запахов, привычных звуков, любимой энергетики, особенно в кухне, в которой самые пахучие пряности не могут уничтожить запаха твоей хозяйки. Ее жизнь, во всей величине измерений, проходит в этой крохотной кухоньке.

Переодеваешься и растягиваешься на диване. Жена входит со стаканом чая.

– Ну что там?

– Ничего. Получил результаты... Завтра покажу врачу.

Хозяйка возвращается в кухню, а ты начинаешь пить чай, как вдруг та же боль, что и в тот недавний день, неожиданно бьет в твое плечо и шею; боль такая уверенная и глубокая, что у тебя перехватывает дыхание. Расслабившись на диване, ты ни о чем не думаешь, лишь ждешь, пока боль понемногу уляжется... И вдруг ты летишь в глубину какой-то темной пропасти.

Голос жены вырывает тебя из дремоты. Ужин готов. Ты медленно жуешь в молчании. Хозяйка тоже молчит. Наверняка ваш сын, Каве, снова что-то отчебучил...

Только вы поужинали – звонок телефона. Это Марьям, жена Каве. Ты не в силах слушать ее жалобы и заморочки, отходишь и садишься на свое всегдашнее место на диване, включаешь телевизор. Девушки разминаются на берегу моря. Улыбчивые и свежие, высокие и хорошо сложенные, вот они идут прямо на тебя. Хозяйка выходит из кухни с чаем на подносе.

– Иншалла, всё обойдется...

– Дай-то Бог!

Вокруг жениных губ – пушок, точно халвой обметало. Девушки, которые сейчас, в солнечных лучах, кажутся еще более длиннотелыми, неожиданно поворачивают к тебе свои пронизанные росой спины и бегут в море, всё дальше и дальше...

Ханум ханума вышла к бассейну женской половины для омовения. Эту процедуру она всегда проделывала с таким трепетом, точно кокетничала с водой. Прежде всего, как кошка, которая собирается ловить рыбу и трогает лапой воду, она опускала в бассейн пальцы, ломая границу сухого и мокрого. Потом воду зачерпывала ладошками и тщательно мыла руки от сгибов локтей и ниже, следя, чтобы на каждую клеточку грешного тела попала влага. Плескала на лицо, ожидая, пока вода впитается в ее морщинистую кожу, напоминающую кожаный переплет книги воспоминаний Большого шазде... Давненько ее шазде даже не смотрел на эту кожу.

...Уже много лет Ханум ханума жила в одной из комнат женской половины отдельно от старого князя – от шазде. Она не была домоседкой: обожала ходить в гости. Надевала выходную одежду – чадру и шаровары – и пускалась в путь: с обеда на обед, с одного религиозного собрания на другое. Проследить ее маршрут легко можно было бы по траурным слезам, ею пролитым. Насколько Ханум ханума была молчаливой и сдержанной, настолько же ее невестка

Таджи – говорливой и острой на язык. А отношения между ними были прекрасными. А вот с женой внука – тегеранской девицей – контакта не было никакого.

Для смачивания ног Ханум ханума сняла туфли – и вдруг увидела Полосатку, как раз возле отделения бассейна для мытья ног. Кошка стояла и смотрела на нее со своим всегдашним требовательным выражением. Ханум ханума не растерялась и осторожно отошла назад. Она знала, что, если брызги омовения перед намазом попадут на кошку, то на руках выскочат бородавки.

– Уходи... Нехорошее, грязное животное!

Полосатка не пошевелилась. Так же стояла и смотрела на два шарика ее старых глаз, и сверканье кошачьего взгляда вдруг пронзило ее насквозь. Кошачий взгляд был настолько человеческим, что Ханум ханума несколько раз прошептала «Бисмилля» и торопливо ушла в свою комнату. А на завтра после этого дня «они» – нечистая сила – как раз и начали свою работу!

Опять звонит телефон. Твоя жена снимает трубку: на проводе Марьям. Сообщает, что договаривалась с Каве, чтобы он приехал домой пораньше и отвез Баран⁹ к врачу; но Каве до сих пор нет, и мобильник его не отвечает. Как только у этой женщины возникает проблема, она тут же звонит вам. Это вина твоей хозяйки: она ее избаловала. А ведь в семье муж и жена сами должны решать свои проблемы. Или как: едва что-то произойдет, хватать мегафон и сообщать всему свету? Вы свои двадцать пять лет отмучились с Каве, и мало вам не показалось, а теперь мучиться с его женой?

Ты переключаешь спутниковый канал. Муравьи на экране телевизора бегают туда и сюда. Диктор говорит, что муравьи...

– Марьям звонила. Они договаривались с Каве...

– Я слышал.

Жена не продолжает: не хочет усугублять твое состояние. Сердцу твоему это не полезно. Муравьи-работники группками, одна группка за другой, тащат в муравейник съестные припасы. Но к муравейнику приближаются несколько термитов-хищников, вышедших на охоту. Начинается страшная суета, и муравьи сумасшедше крутятся друг вокруг друга и обмениваются разведанными. Очень скоро из-под земли появляются несколько бойцовых муравьев, чтобы отбить атаку термитов-хищников. Они знают, что если хотя бы один из нападающих останется в живых, он принесет весть в свою колонию, и тогда термиты нахлынут на них как сель и отнимут их пищевые припасы, разграбят их генофонд – питомник детенышей. Даже матку похитят и никого не оставят в живых.

...Схватка с термитами закончилась победой оборонявшихся, однако один термит сумел удрасть. После его бегства муравьи-солдаты принимаются за дело: стучат своими большими головами о стенку муравейника, этакой азбукой Морзе посылая сигнал тревоги. Почти мгновенно появляется большое количество рабочих муравьев, и они хлопочут вокруг входов в муравейник. Из пыли и собственной слюны они делают клейкую глину и быстро заклепывают ею входные отверстия, и сами исчезают в этих подземных коридорах, в их непроницаемой тьме.

⁹ Баран – женское имя, в переводе с персидского означает «дождь».

Султан-Али поднялся утром рано и направился в туалет, и вдруг нога его поехала по какой-то гадости, и он хлопнулся на землю. Счастье его, что головой не о бортик бассейна, иначе – конец бы ему. «Те самые» – «они» – облегчились прямо здесь: тепленьким, свеженьким, да в каком количестве!

Султан-Али, пока никто не увидел, быстренько убрал и замыл следы и большого значения этому не придал. Подумаешь, кого-то прихватило среди ночи, не успел добежать до уборной, ну и... Допустим, какая-нибудь «баба-яга» из двух... Хотя нет, эти высохшие старушки таких куч не наделали бы!

На следующее утро громовой крик заставил всех сбежаться ко входу в женскую половину. Шазде стоял на крыльце и трясся от ярости. «Их» роза красовалась прямо перед входной дверью – и опять тепленькая, еще дышащая, и каких размеров!

– Вай, как жалко мне того, кто совершил эту мерзость! – кричал шазде. – Я его так накажу, что даже куры-наседки прибегут смотреть!

– Аллах свидетель, – заявила Ханум ханума, – как только появилась эта кошка с дурным глазом, так и начались нехорошие события!

– Ханум-джан, – возразила ей Таджи, – но ведь кошка не могла, как бы это помягче выразиться...

Редкостный случай, но старый князь вдруг согласился с Ханум ханумой. И чтобы подчеркнуть свое с ней согласие и довести таковое до ушей кошки, он громко закричал:

– А ведь она попадется мне! Я ее отдам живодеру содрать с нее шкуру и соломой набью чучело! Клянусь памятью Большого шазде, если я сегодня же не разделаюсь с этой тварью, то я не из рода моего отца!

И шазде приказал Султану-Али непрерывно караулить и, как только кошка залезет в подвал, тут же закрыть ее на замок и кричать хозяину. И еще не пробило полдень, как Султан-Али позвал его, и шазде отдал новый приказ:

– Теперь посади ее в мешок и принеси, я скажу, что дальше делать.

Услышав это, Султан-Али побледнел, словно покойник. Спускаться в подвал ему было страшно. Боялся навлечь беду и на свою голову, и на свое семейство. Но мог ли он ослушаться шазде? И он взял метлу, совок для мусора и мешок и полез в подвал. Вначале он уговаривал кошку выйти по-доброму, но та не показывалась. Султан-Али, читая молитвы, начал обыскивать подвал, и Полосатка вдруг зашипела, выскочила из-за зернового ларя и, прыгнув, когтями вцепилась в лицо Султана-Али, потом, опрокидывая кувшины с соком незрелого винограда, кинулась к медному тазу и засела под ним, зыряка оттуда своим прилипчивым, полным смысла взглядом.

Султан-Али знал, что, если вернется без кошки, то станет посмешищем, поэтому после долгой борьбы все-таки запихал Полосатку в мешок и с победой вылез из подвала.

– Вот молодец! Вижу, что ты настоящий мужчина...

Полосатка в мешке как-то хрипела и пыталась вырваться, Султан-Али с расцарапанным подбородком ждал дальнейших приказов хозяина.

– Так, теперь слушай внимательно. Берешь кота и идешь в духан на краю города. Находишь проезжающего водителя и даешь ему пять кранов¹⁰, и говоришь, чтобы он взял мешок и выбросил его в следующем городе... И всё, точка на этом! Ни слова больше не добавляй... Понял меня?

– Слушаюсь, хозяин.

Взяв мешок, Султан-Али отправился в трактир на окраине. Объяснил ситуацию одному водителю и сунул ему в ладонь пять кранов. Водитель несколько раз повторил: «Слушаюсь! Будет исполнено», – бросил мешок в кузов грузовичка и уехал.

¹⁰ Кран (уст.) – иранская монета, равная 1 риалу.

Ближе к вечеру Султан-Али вернулся домой, гордый, словно покоритель Герата. Пока дошел до особняка, об эпосе с Полосаткой рассказал примерно семи или восьми своим знакомым. И к этой ночи уже чуть ли не всё население города болтало о кошке с дурным глазом, которая связалась с нечистой силой и которую шазде выкинул из их района. Причем о мужестве самого Султана-Али не упомянуто было ни разу...

...Однако если шазде думал, что удаление полосатой кошки установит мир и покой в особняке, то он ошибался, и это выяснилось очень скоро. Судабе-ханум была виной тому, что покой снова рухнул и вкус победы исчез. Своими большими ушами шазде расслышал то, что тегеранская девица говорила Таджи:

– Я не думала, что его высочество опустится до такого. Чем виновато несчастное животное, что его так бросить в мешок и сделать бездомным? А эти «они» – что за чушь? Засорять мозги собственному правнуку! Наивному мальчику сорок бочек арестантов на уши навалили – неграмотная бабья чушь! Джинны! Какие джинны, кто их видел вообще? Хоть бы вы-то не повторяли эти глупости! Вы ведь взрослый человек, как вы можете верить этой чепухе?

Шазде эти слова так возмутили, что он уже не помнил себя. Сами слова невыносимые, да еще от кого – от невестки его сына, а она из круга тех выскочек, что покушались на древние права Каджаров! Еще до сих пор он не простил своего внука за эту глупую женитьбу, считая ее предательством их предка, Большого шазде, чей голос как бы звучал эхом в особняке. Шазде очень задевали вопросы родства с Каджарами, это было жизненно важно! Именно в этом городе жена Хусейн-кули хана разродилась Фатх-Али Шахом, от него и вел свой род шазде, как же ему было теперь не затопать ногами и не закричать?

– ...Вам эти слова совсем не к лицу, Судабе-ханум! Шли бы на улицу, на проспект, и там бы вертели задом своим!

Судабе-ханум возмутилась; хлопнув дверью, закрылась в гостевом доме. Капитан должен был прийти ей на помощь. Нужно было поставить на место это отсталое семейство. В отцовском доме она росла как принцесса, а здесь от нее ожидали, что она, будто купленная за деньги невольница, будет им прислуживать?

...Она и предположить не могла, что окажется в такой ситуации: что к таким последствиям приведет ее простое желание съесть порцию палуде¹¹ весенним днем возле моста Таджриш в Тегеране... Уж лучше бы ей тогда ногу сломать, чем пойти с подругой в кафе-мороженое! Там решилась ее судьба – когда глаза ее встретились с этим горящим чарующим взглядом, от которого она испытала как бы покалывание и пощипывание кожи. И это она, девушка современная, живая и храбрая, привлекательная, одетая по последней моде; она, которая любила кино, а еще больше музыку; она даже пела на школьных вечерах. И родители ее были отнюдь не бедны. Отец по договору с компанией «Додж» занимался импортом автомобилей, и даже связи с шахским двором имелись. Но судьбе ведь всего этого не объяснишь...

Никогда Судабе не забудет тот день, когда Капитан пришел ее сватать. Пришел один-единешенек, только с букетом цветов. Когда отец Судабе понял, что жених его дочери из рода Каджаров, он вспылал и чуть-чуть бы еще – выкинул бы его из дома. Отец категорически был не согласен отдать дочь в это, по его словам, первобытное племя, где люди больше всего гордятся величиной рогов горных баранов, которые они развешивают по стенам своих жилищ.

Юноша и девушка вместе противостояли своим семьям и, быть может, из чувства противоречия не стали даже проверять свои чувства, а как можно быстрее поженились. Отец Судабе свадьбу бойкотировал, и невесту сопровождали в «эту глушь» лишь ее мать и две тетки. Свадьбу сыграли в главном зале этого особняка, и длились торжества три дня: шазде и Салар-хан изо всех сил постарались сохранить свою честь.

¹¹ Палуде – десертное блюдо, изготавливаемое из тертых фруктов, крахмала и сахара.

Лишь на третьем месяце беременности Судабе поняла, что она не из той же глины, что этот клан. Она, девушка современная и раскованная, да еще с ребенком в утробе, вынуждена была подолгу принимать гостей, и каждому сморчку и сверчку, если это гость, оказывать полное уважение. Ей пришлось узнать, что такое лекарственный настой из семян четырех растений; как применяется цикорий, укроп, а также что такое мускусная или египетская ива, будь она неладна. Как разжигать угли в сетке для углей, и тому подобное... Она готовила гостям кальяны и должна была вовремя снять с плиты «саману» – род кушанья из солода. Конечно, Шабаджи и две «бабы-яги» выполняли большую часть работы, но Судабе как молодая хозяйка дома тоже должна была всё это знать. Свекровь была неплохая женщина, но в любом случае – устарелых понятий, за рамки которых она не могла выйти. Тесть жил в деревне со второй женой... Единственной ее отрадой был муж, но и он иногда ее бесил, так как слишком покорствовал семье.

Постепенно жизнь в особняке стала для нее невыносимой. Если выходишь из дома, требовали, чтобы обязательно кто-то сопровождал. В баню целая семейная делегация шла за ней, и там, в бане, следовало проявлять уважение к старшим, сливать им воду на голову. Обедая, полагалось ждать, пока шазде отведаёт кушанье, потом только самой кушать. После того, как она родила, давление семьи ослабло, но ей от этого не стало легче... Хуже всех был сам шазде, который и других, и ее подавлял, требовал невозможного. Он даже, видите ли, не мог произвести то имя, которым они с мужем нарекли ребенка, и называл его только Остатки-Сладки, даже еще тогда, когда ребенок не родился.

...Но Судабе сумеет порвать эти цепи! Она задалась целью добиться полной свободы. Любой ценой она решила заставить мужа уехать в Тегеран. Пустила в ход даже такое снадобье, как разговоры о разводе. Она уже давно начала откровенно бездельничать. Одевалась по моде и уходила в город. Заставила мужа построить ей в усадьбе свою баню. Объявила, что у нее не хватает молока, и таким образом вынудила нанять сыну кормилицу. Записалась на курсы узорного шитья и кройки. Подружилась с женами городских чиновников и только с ними теперь советовалась. Салары терпели всё это. Но в тот день, когда она объявила, что пойдет работать учительницей, в особняке разразился скандал, который довел ее до рыданий... Чтобы невестка Саларов прислуживала государству? Никогда! Только через труп шазде.

...Она услышала во дворе голос Капитана. Он, как всегда, мыл сапоги в бассейне, а шазде громко крикнул ему с террасы, так, чтобы услышала тегеранская невестка:

– Скажи этой дочери Мирзы-твоею-хана, чтобы выкинула из головы свои причуды; скажи, нечего вертеть задом по улицам и заставлять покойного его высочество переворачиваться в гробу!

Господин Капитан ничего не ответил, насупившись, вошел в дом. Целыми днями он командовал в комендатуре, а теперь дома сам должен выполнять команды. Жалобам и пилёжке Судабе-ханум не было конца.

– Я хочу в Тегеран, – объявила она. – За покупками и проведать родителей.

– Но разве мы не договаривались уехать оттуда?

– Я устала повторять, что хочу жить сама по себе, а не под покровом шазде и их старушечьих высочеств!

Ах, как не нравились Капитану такие слова... Жить не хотелось – нельзя было, чтобы так о его предках говорили, насмешливо и презрительно. В попытке не дать этой ссоре перерасти в нечто большее он протянул руку к современной прическе Судабе:

– Не горячись так. У него нет злого умысла: просто характер у него такой.

– Кто-кто, но ты-то знаешь, что только ради твоей милости я всё бросила и приехала в эту дыру. Но в этом доме я сама себя перестала уважать. Собственный ребенок меня не узнает. Он думает, что его мать – Шабаджи.

– Немного потерпи, сожми зубы: когда мы построим собственный дом, уедем отсюда.

– Даже не сомневайся, пока ты построишь этот воображаемый дом, я семь раз сдохну. Так что можешь, как твой отец, взять себе деревенскую навозную толстуху...

Тут рука господина Капитана невольно поднялась и ударила Судабе по лицу. Впервые он поднял на нее руку. Но Судабе не для того родилась на свет, чтобы получать побои, потому она схватила чемодан и уехала в Тегеран к отцу. С собой взяла только свои золотые вещи и даже с сыном не попрощалась. Она чувствовала себя фарфоровым чайником, который уронили и разбили, и он никогда не будет таким, как прежде. Даже если муж падет перед ней на колени и всю жизнь будет ее лелеять – прошлого не вернуть. Она станет такой, как один из этих склеенных, скрепленных поверх трещин старых чайников, что стоят на полке в доме Саларов, и вся польза их в том, чтобы показать их гостям и сказать: «Да, из таких чайников Салары пили чай!»

– Ты не спишь?

Ты поднимаешься и идешь почистить зубы, и возвращаешься. Загадочная боль исчезла, но теперь ты остро чувствуешь ее отсутствие. Ты гасишь свет и ложишься на свое обычное место, на правой стороне кровати. С улицы слышны взвизги и вой котов. Ритм дыхания твоей жены дает тебе покой. Ты чувствуешь, что в нынешнем твоём положении, когда всё висит на волоске, только жена и привязывает тебя к жизни. И рука твоя непроизвольно тянется к чаще ее волос, и в этих запутанных джунглях легко находит свою дорогу. Делает круг и вновь выходит из этого леса... Хозяйка твоих упований... Очаровательна, как лань. А ты словно охотник на коленях перед дичью... И внезапно – покой, мир и полная тишина; точно жернова мельницы остановились.

Второе апреля – тринадцатый день иранского нового года – принято проводить за городом. В этот праздничный день на улице с утра тарахтел вместительный грузовичок Уста Хамида, все погрузились и поехали в Майан, на мельницу. Там женщины занялись приготовлением обеда, а мужчины игрой в «чижа» и в иранскую лапту. Шазде сидел под ивовым деревом на подушке, обеими руками опираясь на свою трость из черного дерева.

Был тут и Салар-хан со своей второй женой, дочерью старосты деревни. Таджи, увидев ее, так возмутилась, что у Остатки-Сладки сердечко прямо заныло. Фамильные каджарские брови, похожие на скорпионьи хвосты, и черные усики над губой делали вид Таджи поистине страшным. Никакого желания встречаться со своей хаву¹² у нее не было. Только в честь праздничного дня и присутствия шазде она промолчала, но близка была к тому, чтобы накинуть чадру и пешком вернуться в особняк. Ведь она в свое время ставила условие: никакой второй жены в ее доме и в ее жизни быть не должно.

– ...Эй, кто-нибудь, уберите мальчика от мельницы!

Остатки-Сладки был заморожен работой мельницы. Речная вода, кокетливо поигрывая с кустиками мяты, спокойно себе струилась и вдруг падала в какой-то провал – в трубу плотины – и от неожиданности ярилась и пенилась. Труба с клокотанием заглатывала воду, а потом направляла на мельничное колесо, причем с такой силой, что от этого крутились большие жернова и со стоном перемалывали пшеницу в муку.

Прямо здесь, недалеко от плотины, Султан-Али и раскинул ковер шазде. Еще не успели закутить, когда жена Мирзы-хана, подбоченясь, сострила:

– Ваше высочество, вы так обкуриваете моего мужа... Любого доходягу так обкури – он бы тоже потомство дал! Копченая рыба – и та бы не сплеховала!

¹² Хаву – одна жена по отношению к другой (о женщинах, имеющих общего мужа).

Все засмеялись, даже тетка Молук, сестра старого князя.

Жена Мирзы-хана была так остра на язык, что никто не чувствовал себя в безопасности от ее колкостей и намеков. И у себя дома она постоянно шутила над Мирзой-ханом и фехтовала с ним словами.

Тетка Молук закурила кальян. Она редко выходила из дома. Была так тучна, что, когда шла мимо деревьев, их потряхивало. Сюда она приехала со служанкой, с собственным угольным самоваром, с заварочным чайником, стаканами и даже со своим сахаром. Ей не нравилось пить чай из чужой посуды. И к ее коври сейчас никто не дерзал приблизиться. Казалось, что ей достаточно нахмуриться, и деревце джиды возле запруды – как это бывало с ее мужем – потеряет свой авторитет и вообще пожелтеет и осыплется.

...Уста Хамид получил разрешение присесть на землю недалеко от ковра шазде и жадно вдыхал дымки от трубки для курения опиума, с которой не сводил глаз. Лицо его сейчас чем-то напоминало собственный грузовичок. Оттого, что он постоянно возился с мотором, руки его покрылись несмываемой чернотой. Несмотря на это и несмотря на его немногословие, его уважали, потому что в городе машина имела только у него и еще у одного человека.

После того, как выкурена была вторая порция опиума, в мозг Хамида ударили такие слова шазде:

– Эта мельница, как и мы – на последнем издыхании. Придет время, я умру, вы останетесь жить, но ни один мельничный жернов не будет крутиться в этом районе. Почему? Потому, что первое лицо государства приказало заменить водяные мельницы паровыми. Правительство ввозит из-за рубежа паровые мельницы, чтобы сжигать ими сердцевину пшеничного зерна и плодить молодежь без силы и без устоев. Многие ведь говорят, что между мукой от водяной мельницы и от паровой большая разница!

Мирза-хан, как всегда, одобряя слова старого князя, прикрыл веки и произнес:

– Очень точно изволили выразиться!

Шофер Хамид, изумленный и заворуженный, не отрывал своего пламенного взгляда от княжеского лица. Именно такие слова и были тем, что отличает князя от не-князя. Большая голова мужа тетки Молук на его тонкой шее тряслась от страха. Как не понимать этого? – казалось, говорили его глаза. Ведь стоит кому-то написать рапорт в полицию, и их песенка спета!

Мирза-хан ухватил щипцами самый горячий уголек и поднес его к опиумному шарiku, и шазде такой кейф словил, что звуки сопения и стоны его трубки стали слышны всем. И «кибла мира» смотрел на него с чашечки этой трубки с таким выражением, словно шазде пускал по ветру все пятьдесят лет его шахского правления.

Дым бежал по тонкому каналу чубука, в котором, по словам поэта, беда мешается со счастьем, и, вдыхаемый шазде, заставлял его перевоплотиться и получить такое удовольствие, словно и впрямь он отвоевал себя у этого мира или по крайней мере построил себе из дыма вполне приятный новый мир.

– ...Знали бы вы, с каким трудом мой отец, его высочество, получил свои права от «киблы мира». Выскочки тогда не могли прорываться к власти, как сейчас. Тогда для этого требовалось несомненное благородство происхождения и очень толстый кошелек...

Ни приказа так и не было, ни жалованного дорогого халата. Его высочество после сотни затруднений получил, наконец, аудиенцию. Провели в угловую комнату, где шах решал государственные дела. Там присутствовали еще великий визирь, Хаким аль-Малик (врач), Этемад ос-Салтане (советник) и Даллак-баши (главный цирюльник), а также несколько крупных пиявок. Хаким аль-Малик убедил шаха лечь на живот

и разрешить поставить ему пиявки на ягодицы, для лечения геморроя и снятия излишней густоты крови.

Шах лежал животом на подушке, а Даллак-баши извлекал из склянки особенных пиявок, полученных из Мазандарана, и ставил их одну за другой вокруг высочайшего заднего прохода. Голодные пиявки принялись сосать густую кровь, а Этемад ос-Салтане начал читать вслух французскую газету, чтобы и отвлечь от боли «киблу мира», и позволить ему выучить несколько новых слов. Великий визирь получил возможность в это же время положить на высочайшую подпись несколько приказов и правительственных решений.

Пиявки быстро насасывались кровью и всё больше разбухали. Взгляд шаха внезапно остановился на Большом шазде:

– А-а, шазде... Ты что здесь делаешь? Видишь, как нам тяжело...

– Жертвующий жизнью прибыл к вашему величеству для целования руки и изъявления преданности. А также мы просили о подписании фирмана...

– Великий визирь, как можно скорее подготовьте фирман, чтобы мы могли его подписать!

Пиявки так насосались и раздулись, что начали отваливаться. Даллак-баши подбирал их шелковым вышитым гладью платком и складывал в хрустальный графинчик. В нем кровь «киблы мира» делалась яркой и чистой, как гранатовый сок. Главный врач осмотрел места укусов пиявок, приложил смоченную спиртом вату и натянул на царственный зад белые шаровары. Шах встал, потом сел, и его двойной подбородок затрясся от смеха.

– Воистину, ты чудо сотворил, Даллак-баши! Головокружение наше исчезло совсем! А также мы выучили несколько французских слов... *Bonjour*, Этемад ос-Салтане!

Шах поднялся и напрямик зашагал в женскую внутреннюю половину дома. Шазде тоже завершил дела с великим визирем по поводу передачи пожертвования: сошлись на скромной сумме в десять тысяч туманов. Шазде покинул дворец. Его общий годовой доход в несколько раз превышал эту сумму. Управление велятом Кумс стоило гораздо большего.

Лиловым бутоном губ старый князь втянул горький дым, подержал его в легких и выпустил из ноздрей как из двух печных труб. Помолчал и сказал как бы даже не губами, а дрожанием крыльев носа:

– Смысл моего высказывания подытожу так: шахиншахское правление в нашей стране напоминает вот эту полуразвалившуюся мельницу. Издали картинка, вблизи – ужас. Те правили таким образом, эти иначе. Мне умереть, вам жить. Но смотрите, чтобы через двадцать лет эти отец и сын не превратили страну в кучу пепла!

Мельница продолжала еле-еле крутиться, шазде продолжал говорить, а женщины, по тысячелетнему обычаю, разбрелись вокруг, чтобы нарвать дикой зелени. Мальчишки бегали, поднимая пыль, девчонки смотрели в воду на свои отражения и медленно расцветали, как деревце джиды возле запруды, с тем чтобы законы естественного отбора сделали свое непременное дело.

Словно мельничный жернов лег тебе на грудь и не дает вздохнуть.
На тебя давит будто тяжесть всего мира. Боль, как дикий кабан, копытит

безжалостно всё твоё существо, и тело твоё постепенно становится холодным и легким. Ты поднимаешь руку, чтобы столкнуть с груди этот вес... и не можешь. Рука не слушается тебя. Сквозь конвульсивно дрожащие веки ты смотришь на жену рядом с тобой: она погружена в земной покой и дышит тихо и размеренно. Ты хочешь позвать ее, разбудить; не можешь. Голос не выходит из горла. Ты застыл на границе сознания и обморока... жизни и небытия... Ты и спишь, и бодрствуешь... Ты только слышишь звук, выходящий с пеной из твоего горла: похожий на предсмертное хрипение прирезанного барашка, на сиплое шипение злого и бессильного кота.

В пять часов вечера шазде стоял в главном зале особняка перед окном с подъемной рамой, разглядывая горы на севере и царственным жестом прикрывая зевок. Он не находил, на ком выместить свой гнев. Несколько дней назад опять появилась полосатая кошка, усталая и пораненная, худющая, кожа да кости. Видно было, что она добиралась издалека. Своим загадочным неземным взглядом животное так зыркнуло на шазде, что у него все внутренности оборвались. Наконец сегодня он поддался уговорам домашних и послал Султана-Али за лучшим знахарем их района, который жил в деревушке вдали от города и гадал по зеркалам и книгам. Султан-Али еще не вернулся, и шазде, как кошка, ищущая, где родить, бесцельно кружился по залу.

Отсутствие Султана-Али в этот конкретный момент было сравнимо с катастрофой. Без него и сетка для углей не работала, и жар в инкрустированном фамильном мангале не разгорался как надо, и наследственная трубка для курения опиума оставалась холодной и грязной, нерабочей штуковиной. Без него кругляши опиума в отделанной серебром шкатулке потеряли чудесную силу и стали неотличимы от катышков навоза. Ах, сколько бед принесло человечеству это загадочное растение!

Салары ежегодно на части своих земель сеяли опиумный мак. Его кустики осенью проклевывались из земли, потихоньку набирали рост и весной пышно расцветали. Глядь, вот уже и округлились маковые головки, похожие на легендарную палицу Рустама, да такие налитые, что легкая ласка лезвия заставляет их брызгать белым клейким соком, загадочной субстанцией, которой нет больше ни в одном растении земного шара. Эликсир, по воле которого можно всё – кроме себя самого – предать забвению.

...Наконец, появился Султан-Али, лицом неотличимый от покойника. Словно это он сам претерпел лишение ежедневной порции дыма. Заклинатель, после долгих проволочек, написал нужные молитвы и выдал точные инструкции действий, от которых нельзя было отступить ни на волос.

Нервная зевота шазде прекратилась, но он стоял перед своим слугой словно больной ягненок, смотрел на него молча. Султан-Али сломя голову побежал во двор, чтобы поскорее разжечь угольков. Хотя шазде и сильно хворал уже, но он лишь в редчайших случаях прощал оплошности. Состояние его было жалким, но он этого не признавал. Горящий взор в мангале его глаз уже превратился в пепел, а вся его жизнь, казалось, свелась к этому растению, дарующему забытие. Он беспрерывно зевал, и из носа его текло. И все-таки он был шазде, то есть тот, кто, по его собственному мнению, знал, как извлекать радость из цветка забвений. Ни малейшего изъяна не должно быть на его высоком княжеском достоинстве. И пусть небо падет на землю – он будет держаться своих монарших привычек с такой уверенностью, точно от века ему было это предписано: три дневные порции, каждая размером с косточку от черешни. Никаких уступок он в этом делать не будет. И никто иной не будет его напарником по мангалу, кроме Мирзы-хана: только этот похожий на его тень человек имел привилегию разделять с ним особенные моменты. Точно так же и никто, кроме Султана-Али, не имел права отвечать за техническую сторону дела. И шазде согласен был скорее сдохнуть, чем своей рукой прикос-

нуться к углям и сетке для их разжигания. Ведь он явился в этот мир, чтобы отдавать приказы. Как говорила Ханум ханума: «Шазде думает, что если он сам сделает какую-то работу, то с его княжеским достоинством случится такое же выпадение, как с его грыжей».

– Господин Салари... Господин Салари...

Тебя окликают словно бы издалека. Голоса эти похожи на леденцы. Ты чувствуешь что-то остренькое в коже твоей руки и ощущаешь, как прохладная жидкость входит тебе в вены и дает тебе это блаженство. И ты не хочешь из него выходить. Ты словно плаваешь в комнате, полной опиумного дыма, и шазде смотрит на тебя сияющими от кейфа глазами. Кстати, нет и следа какой-либо боли. Вообще нет никакого следа ничего на свете. Ты не имеешь никакого представления о том, что лежишь на больничной койке. Не замечаешь суетящихся вокруг тебя врачей и сестер. Не видишь слез жены за дверями палаты. Ты отвернулся от реального «сегодня» и погрузился в невозможное «вчера», и свободно шагаешь там, удаляясь всё дальше и дальше.

Султан-Али получил задания в соответствии с инструкциями знахаря. Посетить кладбище и общественную баню и добыть воду после обмывания покойника и воду из банного бассейна, и обрызгать проемы дверей. С сотней трудностей достали волчий жир и натерли им парадные ворота усадьбы. Но, как ни искали воду после обмывания девственницы, не нашли. В городе просто в последнее время не умирали девственницы. Правда, кое у кого такая вода была, но они ни капли не давали заимообразно и не продавали за деньги. Потому что тогда потерял бы силу этот талисман их собственного дома. Несмотря на всё это, работа заклинателя, видимо, не пропала даром, потому что «те» – нечистая сила – ничем о себе не давали знать.

...Полосатка лежала, развалясь, на террасе, насторожив уши на те звуки, что неслись из главного зала особняка. Ее уже никто не гонял. Она лишь старалась не дразнить шазде и не афишировать свою победу. Поистине вела себя скромно и даже получала долю с общего стола. Потолстела и в последнее время даже стала игрива и крутилась вместе с окрестными кошками. Но взгляд ее был по-прежнему привязчивым и горячим, как расплавленная смола.

...Мирза-хан, разливая чай, сообщил:

– Мой свояк вернулся из поездки на север. Говорит, порт Пехлеви¹³ стал насквозь европейским.

Шазде от этих слов воспламенился до невероятности. Настолько воспарил духом, что, казалось, готов прямо отсюда допрыгнуть до Каспийского моря. В молодости он руководил ирано-русской разграничительной комиссией, установившей, в соответствии с Ахалским договором, новую границу от порта Гасан-Кули на Каспии (как тогда говорили, на Мазандаранском море) до Серакса на Востоке.

Люди шазде, осторожно переступая, переходили вброд реку и тянули веревку, чтобы измерить ее ширину. Русский генерал молча улыбался в свои бурые неряшливые усы. Что бы он ни говорил, шазде от своего не отступит. Уже давно они вымеряли земли в спорном районе, устанавливая точную границу. Но русские проводили на карте линии, как им заблагорассудится. Лет 40–50 назад по Гюлистанскому и Туркманчайскому договорам они и так уже присвоили лучшие иранские земли и вновь теперь нацелились на другие земли этой страны.

¹³ Город Пехлеви – в настоящее время город Энзели, крупный порт на Каспийском море.

Недавно овладев Мервом и восточным берегом Мазандаранского моря, они стали соседями Ирана и не прочь были продвинуться еще дальше.

Тут-то и крылась причина того, почему шазде беспокоился насчет своего каджарского происхождения. Но ничего поделать он не мог. Несколько дней назад «кибла мира» прислал приказ, предписывающий ему не ссориться с русскими. Вот русский генерал и делал всё, что ему захочется. С беспредельной наглостью он включил горы в состав своих территорий, а значит, на их территории оказывались и истоки всех местных рек. Теперь он требовал, чтобы с иранской стороны вдоль границы не строилось новых деревень и чтобы не расширялись старые; и чтобы крестьяне не сеяли ничего, кроме ячменя и пшеницы – в таком случае им не понадобится больше воды.

Но шазде с этим последним требованием не согласился и так протестовал, что генерал в конце концов пошел на то, чтобы крестьяне с иранской стороны могли еще выращивать овощи и хлопок. В обмен на это русские ликвидировали несколько деревень возле границы, причем население оттуда выводилось на деньги иранского правительства. Хуже того, богатых жителей они забрали себе, а полукочевое нищее население перегнали на эту сторону.

Шазде возмущился этим и выразил протест русскому генералу. Но тот, ухмыляясь, ответил:

– У иранского шаха избыток солончаков, гор и пустынь, а также деревень. Какая нужда ему в этих нескольких горах, деревеньках и жалких речушках?

Изо рта шазде вырвалось протяжное и дымное «ах»... Потом он с яростью продолжил рассказ:

– Окончив разграничение, я прибыл пред светлые очи их величества. Их величество были счастливы заключению этого договора. Думали, что таким образом мы обезопасим себя от набегов туркмен. Но знали бы вы, как его величество горевал насчет Гюлистанского и Туркманчайского трактатов, подписанных во времена его деда, Фатх-Али Шаха... Он говорил: неужели нельзя было провести границу чуть повыше и не отдавать Тифлис и Карабах? Кстати, когда эти земли ушли от нас, стать каджарской молодежи пошла на убыль. Ведь в тех краях женщины были и красивы, и плодovиты...

Шазде положил в рот конфету-подушечку и продолжал:

– Во время того нашего разговора шах тяжело вздохнул и заявил: «За эти трактаты дом Каджаров будут ненавидеть до скончания века». Я ответил ему, чтобы успокоить: «Ваше величество и так владеют громадными землями. Зачем нашему сухопутному населению столько моря? Как выразился Хаджи Магфур, "настроение друга сладчайшего ты не порти водою морскою; горечь в ней огорчит его сильно"».

Шазде поковырял в трубке, прочищая ее, и продолжал:

– Тот, кого я процитировал, был предыдущим великим визирем «киблы мира». И сам шах питал к Мазандаранскому морю отрицательные чувства – в результате происшествия, которое случилось с ним при возвращении из первой поездки в Европу. Аллах да помилует Большого шазде, который в той поездке был в свите его величества, – он всякий раз, как рассказывал о том происшествии, бледнел, словно покойник...

– Мы возвращались из первой поездки в Европу, когда произошло сие зловещее событие. Волны морские поднялись до небес, а небеса

придавили волны, словно могильная плита. Не приведи Аллах пережить сей день еще раз. Мы были уже в виду берегов, лакомились палуде и заняты были убиванием времени, как вдруг море покрылось гребешками волн и судорожно вспенилось. «Кибла мира» изволили побледнеть и так испугаться, что мы видели: он вот-вот упадет без сознания. Извольте учесть: шах всегда имел предчувствие именно таких страшных перемен ситуации. Именно сия причина ранее всегда отвращала его от морских поездок. Но тут капитан корабля – будь он неладен – дал ему всяческие заверения, что с императорским кораблем «Петр Великий» ничего не случится. Извольте видеть, физиономия Хакима аль-Малика сделалась положительно как у желтушного больного. Он, который всегда в присутствии шаха играл роль эдакого соловья и говоруна, теперь словно язык проглотил, ни слова из него не выдавить. Увидев это, мы все, признаться, потеряли всякую надежду, уповали только на Аллаха – Господа миров. Поверите ли, такое было чувство, что Ноев потоп вернулся и что близится конец света. Корабль бросало вверх-вниз как тазик бабушки Рогайе, и ни мгновения не было возможности удержаться на ногах. Такая свистопляска пошла, что собака хозяина не узнавала. «Кибла мира» упал, словно рыбка, на дно трюма и там трепыхался. Все поголовно, слуги и господа, попадали с ног и, извольте видеть, блевали. Чертов корабль, можно подумать, не управлялся и качался как в последний час бытия. Какие-то детали в его нутре так гремели, будто он был болен малярией, так в приступах людей трясет. И каждый из нас, можно подумать, выпил целую бутылку русской водки, всех свалило с ног и тошнило, и рвало. Столько рвоты и прочей мерзости кругом было, что взгляду, прости Аллах, некуда было упасть. И еще вся палуба рыбой была засыпана. Весь воздух был полон вонью гниющей рыбы. По палубе вовсе пройти было нельзя. Ужасно это было. Команда корабля была не в лучшем состоянии, чем мы, но, поскольку они всегда были пьяны, прости Аллах, в стельку, то разницы для них не было. Порт Энзели ходил у нас перед глазами вверх-вниз, воздух отечества был уже в наших ноздрях, а ничего поделать нельзя было. Тут тебе и порт, тут тебе и смертельные качели на корабле. И на лодках никто до нас не мог доплыть. И вот так двенадцать часов мы катались по полу трюма, когда, наконец, эта безбожная буря пошла на спад и мы смогли достигнуть суши. Когда «кибла мира» пришел в нормальное состояние и цвет его лица восстановился, он изволил в сердцах высказаться следующим образом: «Мы считаем, что даже к лучшему, что сие неразумное море, поклоняющееся чужеземцам, не находится в нашем владении. Ну к чему нам эта пригоршня горько-соленой водицы? Мы теперь понимаем, насколько точны были слова нашего всеми уважаемого Хаджи. И впрямь, большая половина этой страны – лишняя. Ну скажите, вся эта нищая и неродящая почва, какой прок от нее? А в европейском краю ни клочка не найдете лежащей втуне земли. Везде дома и деревья, цветы и птицы, и газоны. Не удивительно, что такая земля производит на свет и красивых женщин со свежими лицами, подобными цветкам! Глаза у них – вот такие! По размерам как коровьи. А посмотрите на эту дыру! У нас даже законные жены шайтану не подойдут. Если бы они несколько дней подряд себя не

прихорашивали, усищи бы отросли длиннее, чем у твоего егермейстера. Они даже нянчить и выкармливать детей негодны; всё у них злословие да подсиживание, да хитрости, да колдовство. А мы словно бы сделались начальником этой странной тюрьмы... Владычество евнухов, шутов, гувернеров, нянек, мамок. Но единственный раз, когда мы нашу любимую жену вывезли в Санкт-Петербург, она заболела, и пришлось вернуться назад. Откровенно говоря, мы готовы отдать треть нашей страны, чтобы получить взамен несколько джарибов¹⁴ европейской земли в ленное владение. Тем же голландцам и море на пользу: превратили его в плодородные земли; или взять англичан: посылают корабли и управляют всем светом. Отныне мы налагаем запрет: никто да не дерзнет произносить в нашем присутствии имя этого нечестивого моря!»

Ты ощущаешь, что в палате присутствует твоя жена, и сквозь дрожащие веки видишь, что она наклонилась к твоему лицу и зовет тебя. Все голоса смешались. Все говорят со всеми. С расстояния многих километров доносится голос другой женщины, которая требует от твоей жены, сына и невестки покинуть палату. Ты знаешь, что ты жив, но ты не чувствуешь своего тела. Твои члены как бы отделились от тебя. Ты превратился в некий объем пустоты... В некое полое скорбное пространство... В тебе нет ни сердца, ни внутренних органов...

Врач командует:

- Двести пятьдесят! – и тебя неожиданно подбрасывает к потолку.
- Триста пятьдесят! – и теперь подкидывает еще сильнее и выше...
- Четыреста пятьдесят!

И вдруг – тишина... Покой... Мир и безопасность... Волна электрического тепла охватывает твое тело, и ты, легкий, как перышко, опускаешься на койку и замираешь. Словно ты неожиданно упал вниз с минарета времен Сельджукидов, что высится в твоём городе. Страшная сила притяжения, дробящее давление времени прессуют твое тело. Ты чувствуешь, что вновь вернулся в реальность, в мир часов и минут, где настоящее постепенно становится прошлым, где календари устаревают... Человек, лишь войдя в этот мир, сразу же делает и первый шаг к смерти; всю его жизнь постоянно умирают клеточки его тела, словно он по частям отдает этот долг, а в момент смерти происходит окончательный расчет...

Тоскливый запах больницы наполняет твои ноздри, и ты вдруг ясно понимаешь, где ты находишься. Грудь болит от электрических разрядов. Ты в том состоянии, в каком бывает путешественник, когда путь ему закрыт и он поневоле должен вернуться домой. От применения электроразрядов твои слуховые и обонятельные способности усилились в несколько раз. И теперь ты слышишь течение воды в трубах умывальников... Звук урчания в животе медсестры, поправляющей твою капельницу... Звуки общественной бани... Тазов и шаек... Голоса женщин и детей... Запах мыла на ладонях... порошка держи-дерева¹⁵... Запах хны, сырости и гнили!..

¹⁴ Джариб – мера земельной площади, равная 1 га.

¹⁵ Порошок из листьев держи-дерева используется для мытья головы и тела.

...Шабаджи и Ханум ханума, и Таджи, и Остатки-Сладки, и Сакине, и банные полотенца, и медные тазы, и белила для лица, и банная рукавица, и мочалка... Баня длится четыре-пять часов: только так женщина может сбросить кожу, как меняет ее змея... И на ее месте покажется новая кожа, нежная и благоуханная... Но через два-три дня и она постареет. Как говорит Ханум ханума, «если в бане с человека не сходит кожа вместе со всем ненужным, то это не баня, а просто помещение с водой».

Спуститься на несколько ступенек и войти в раздевалку при бане; а все нужные вещи уже заранее принесла Шабаджи: тонкие коврики и кашмирские платки для подстилки, багровая ткань, расшитая золотой нитью, – это для вытирания ног. Вот ткань для сушки тела и для головы, тоже вышитая цветным узором. Вот шелковые банные набедренные повязки, вот тазы и медные кувшины, вот керманский кубок, полный размоченной хны, вот ножницы и ножичек для подстригания ногтей, вот специальная палочка для заплетания косиц...

Служительница при бане смотрит на Остатки-Сладки и кусает губу: этот мальчик уже в опасном возрасте... Но из уважения к Саларам она не делает замечания. Они раздеваются, обертываются набедренными повязками и входят в баню – в это потустороннее, неземное пространство, как бы принадлежащее лучшим, чем мы, людям; здесь всё кажется преувеличенным. Голоса искажаются и, отразившись несколько раз от стен, вылетают наружу вверх, из светового люка в центре вспотевшего купола. Свет, падающий сквозь этот люк, распределяется внутри бани какими-то бесконечными грациями; он льется словно бы с разных сторон и придает телам эфирную таинственность.

Из бассейна бани поднимаются женщины – мокрые, со стекающей с их тел водой. Медные тазы, перевернув, положили на пол, и на них садятся Ханум ханума и Таджи. Шабаджи расплетает косицы Ханум ханумы и моет их. Остатки-Сладки сидит на скамье и с наслаждением всматривается в то и в это, как вдруг к нему подходит старая банщица, глядя на него свирепым взглядом, и говорит что-то, от чего все смеются. Таджи замечает:

– В этой породе они все такие. Они уже рождаются на свет взрослыми.

Банщица выплескивает воду из таза, и этот громкий звук вдруг смывает весь женский смех и уносит его в сливное отверстие в полу. Шабаджи берет Остатки-Сладки за руку и ведет его к бассейну. Если бы она не держала его так крепко, он наверняка шлепнулся бы. Банный пол скользок; какая-то греховная скользкость в нем. И вода в бассейне жирная, тяжелая, полная плавающих в ней частичек, со слоями чего-то разрешенного и чего-то запретного. Остатки-Сладки через силу нырнул, погрузился в эту воду и вновь возвращается с Шабаджи к женщинам. Ему стыдно подходить к дочери Шабаджи Сакине. Он смотрит на нее как на священную статую и чувствует, что она чем-то отличается от остальных женщин. Но он ничего не понимает. Должно пройти еще четверть века, чтобы он понял, чем отличается запретное тело от не-запретного.

Шабаджи втирает жир в тело Ханум ханумы, и та говорит:

– Остатки-Сладки еще ребенок, но эта вещь – наследственная в их роду. Я сама однажды слышала от шазде, что у «киблы мира» была привычка глядеть из окна оранжереи, которое выходило в женскую баню, – изучал тебя во всех подробностях. Представьте картинку: шахские жены и целая куча служанок и рабынь – все голые – моются в бане и вдруг видят усатую мужскую рожу, уставившуюся на них из оконца... Вот ситуация была для бедняжек! У господин столько жен в гареме, а поди ж ты... Помилуй Аллах!

– Для того и выходило окно оранжереи в баню, – ответила Таджи, – чтобы влага оттуда шла на померанцы, улучшала урожай. Потому цитрусовые его величества и были так хороши!

Все засмеялись. Острые замечания летали взад и вперед. Принесли гранаты, очищенные от кожуры, – кушали их. Потом ели с лепешками котлеты из мяса, яиц и зелени, маринованные баклажаны – подкреплялись, чтобы голова не закружилась от слабости, от многочасового пребывания в бане. И опять терли кожу рукавицами и говорили умные вещи и слушали таковые, и

баня продолжалась. Остатки-Сладки с любопытством их всех разглядывал, и по его поведению всем было понятно, что он уже вырос и что больше его в женскую баню брать нельзя.

Под рукавицей банщицы отвратительная, самодовольная кожа Ханум ханумы становилась по-молодому розовенькой. Отжившие свое клеточки и ткани сдирались и смывались прочь. Худые черные руки старой банщицы трудились вовсю, чтобы уничтожить трагическую дистанцию между нынешней старостью и когдашним очарованием; она мяла и крутила эти морщины со следами многолетней злобы и ожесточения; она как бы срывала всё это с кожи и бросала на пол. И до чего печальны были эти потуги постаревшей Ханум ханумы вновь стать чистенькой и милой – а ведь шазде много лет даже не поворачивал голову в ее сторону.

Будущего Капитана еще не отняли от груди, когда она заметила, что шазде потерял к ней интерес. Пламя в нем потухло. Значит, какие-то новые увлечения в его голове появились? Но она решила, что ни за что не допустит, чтобы он взял новую жену. Уже до этого он брал нескольких временных жен – и хватит. Девочке той сколько лет было? Четырнадцать лет. Четырнадцатилетняя девочка в браке с шестидесятипятилетним стариком! А теперь вот новая страсть... Значит, опять ей придется его умолять... Переживать новые унижения... Нет, нельзя его выпускать из вида. Роды, выхаживание детей отвлекали ее, но теперь она постарается не спускать с него глаз.

Она сама разожгла мангал и бросила в пламя частички алойного дерева, ладан, руту, стояла в этом дыму, чтобы тело ее пропиталось вкусным запахом. Терла груди глиной, смешанной с соломой, мыла их розовой водой, чтобы отбить запах скисшего молока. Втирала себе в кожу отвар алтея, жевала размельченную гвоздику, выдержанную на померанцевых листьях, чтобы ароматно пахло изо рта. Немного белил и румян втерла в кожу лица...

Качнула колыбель Капитана и пошла в спальню. Шазде еще не спал, лежал, глядя на зеркала в потолке. Это была привычка каждого вечера – смотреть в эти зеркала перед сном. И на него оттуда словно смотрели князья разных поколений, все очень похожие: густые усы, горящий, прожигающий взгляд, похожий на пламенеющие угли.

Шазде глубоко вздохнул и склонился к ней. По его взгляду она поняла, что он ищет, к чему придраться. И вдруг он указал пальцем на ее волосы и прошипел:

– Опять у тебя гниды, вши в голове?

Она задрожала. Тело ее оледенело под одеялом. И в пот бросило. Обвинение, словно черный тарантул, проникло в ее грудь, и в этот момент она приняла решение отплатить бесчувственному старику тем же ядом. Ведь он солгал. Какие там гниды. Сказал это, чтобы отвлечь ее от ледяного холода в его сердце. Старик в его возрасте больше внимания обращал на волосы в собственном носу, чем на ее волосы; был весь поглощен задачей превратить четырнадцатилетнюю девочку в свою бесплатную рабыню.

Старая банщица не сбавляла усилий, а морщины и складки Ханум ханумы словно были живыми; они извивались как дождевые черви, ищущие спасения под землей. Но Остатки-Сладки больше переживал за саму банщицу и, глядя на нее, думал: кто же чистит ее кожу?

Тот аппарат, к которому ты подключен, всё время издает некий хнычуще-ворчащий звук. Этот мягкий звук как-то ласкает тебя, и до чего же он похож на голос твоей матери!

– Господин доктор, *этот* больной нуждается в «ангио»?

Слово «этот» так произнесено, будто речь идет о некоем неодушевленном предмете. Отвечает мужской голос:

– Я не думаю. Нужно выяснить реакцию сердца на лекарства.

Сестра измеряет твоё давление. Марлевая маска на её лице издает очень специфический запах: аромат одеколона, смешанный с запахом больничных котлет.

– Как вы сегодня хорошо выглядите, ханум. Вам идет.

Рука сестры становится горячей. Compliment ты сказал наудачу, предположив, что, может, она покрасила волосы, линзы какие-нибудь сменила. В солярии, наконец, загорела...

Сестра сует тебе градусник в рот. И вся плоть её, вся кожа её смеется. Они вообще тебя в расчет не принимают. Словно это и не человек лежит на койке. А если бы знали, что этот на вид безнадежный больной – из рода Саларов, они, наверняка, пересмотрели бы своё поведение.

Ты все силы прилагаешь к тому, чтобы оглядеться, и тебе удастся увидеть лицо врача. Видишь его словно в искривляющем зеркале общественной бани, застилаемом паром. Смазанное, нечеткое изображение, как будто чего-то, находящегося по другую сторону жизни. А вот лица медсестры, как ни стараешься, ты разглядеть не можешь. Лишь слышишь её голос:

– Сто десять на семьдесят...

Интонация точно как у твоей матери Судабе-ханум, когда она чем-то или кем-то была шокирована и начинала протестовать.

– Матушка, почему ты мне не разрешаешь играть с Сакине и Джафаром?

– Я тебе сто раз говорила: я не «матушка», а твоя мама! Понял?

– Угу...

– Не «угу», а «да, мама»! По этой вот причине и не разрешаю играть с этими детьми.

Ты чувствуешь, что после окончания семейной ссоры мама твоя стала добрее. Сейчас она смотрит в зеркало, примеряя новый красный, только что сшитый сарафан. Проводит рукой по его швам, отрывает лишние нитки. Поворачивается и старается рассмотреть себя в зеркале со спины. Она носит облегающую тело одежду, а он своих, особых воспоминаний о её теле не имеет, ведь не она его вскармливала.

Его мама начинает напевать песню, недавно сделавшуюся популярной; она мягко поворачивается на одной ноге и делает круговой взмах подолом платья, и спрашивает:

– Красиво; разве нет?

Да, было красиво. Но ему не нравилась мама в этом платье. Она казалась чужой. Больше ни одна женщина так не выглядела.

Он поджал губы.

– Нет! Совсем не красиво.

Она, словно проглотила кусок чего-то кислого, нахмурилась.

– Ты, давай-ка, таким уж не будь ядовитым, как папа и вся компания! Я не желаю, чтобы мой сын брал за образец необразованных деревенских. Потому я и не разрешаю тебе играть с этими оборванцами.

Вот так она всегда. Стоит ей сплеховать, и вымещает на Саларах. Можно подумать, что муж выкрал ее из какого-то высшего общества и силой принудил стать его женой. Не зря ведь шазде повторяет, что она из другой глины, чем мы, и никогда не пойдет в ногу с нашим родом. Мама его была больше похожа на птицу в цветном оперении, чем на птицу домашнюю. Все женщины, от Ханум ханумы до Таджи и Шабаджи, и даже обе «бабы-яги», напоминали полезных домашних птиц, расхаживающих по земле, высиживающих яйца, а если они иногда и били крыльями, то спасаясь от налета петуха... Но мама его была совсем иная, роскошная птица, и никакая сила не могла привязать ее к земле. Не случайно она искала спасения в шитье, вышивании и тому подобном. Ей нужно было занять себя этой работой, а иначе она постоянно задавала бы себе вопрос: что она вообще делает в этом затерянном в солончаковых пустынях городке? Она зачала бы с тоски, не будь у нее еще и лампового радиоприемника. Этот массивный ящик с длинной антенной был как бы частью ее приданого; чтобы слушать его, следовало получить разрешение в полиции. Передачи длились не более двух часов в день: из Берлина и из Индии, соответственно, немецкое радио и Би-би-си на фарси. Но мама новостями не интересовалась, ее страстью была эстрада, и она с таким видом сидела в ожидании этих передач, точно по радио ей сообщали что-то секретное. А вообще-то этот ламповый аппарат – примитивный и все-таки принадлежащий к некоей сверхреальности – был ее связью с родительским домом и с ушедшим в прошлое девичеством под защитой отца.

– Не расстегнешь ли мне эту змейку?

Дрожащими пальцами он взялся за змейку и медленно потянул ее вниз. И словно бы вдруг разрушилась ее волшебная защита и открылось взору ее материнство; то самое, чего она никогда ему не давала. Ведь она никогда не брала его на руки, не мыла в бане, всё это делала Шабаджи или его бабка Таджи. До трехлетнего возраста каждый день рано утром приходила тетка Агдас, кормилица, и давала ему грудь, и укладывала его в колыбель, выливая содержимое его эмалированного горшка и мыла этот горшок. Она пела ему колыбельные и ласкала и баловала его – ей бы следовало это проделывать с собственной дочерью, его ровесницей, но нужда заставила ее стать его кормилицей и отдавать ему большую часть и молока, и материнской заботы. А какие сказки он от нее слышал, сколько в них было джиннов и пери... И были в них крылатые кони и несчастные юноши, полюбившие пери и навсегда исчезнувшие из этого мира, и были женщины, которых малейшее словечко, ошибочка превращали в вонючих жуков или в ослиц. За ее доброту Остатки-Сладки долго считал именно тетку Агдас своей матерью. Позже был убежден, что его родила на свет Шабаджи.

Мама сняла сарафан, но для того, чтобы переодеть нижнюю рубашку, вышла в другую комнату. Она не любила, чтобы видели ее великолепную наготу. Она словно была крылатой пери и боялась, что кто-то увидит эти крылья и поймет, кто она на самом деле. Ну и правда, как могла такая женщина сидеть часами и чистить закопченные котлы и кастрюли? Выжимать виноградный сок или корпеть над приготовлением кушанья из солода «саману», гранатовых и алычовых сиропов, разных маринадов? Роль вечно рожающей и работающей женщины была явно не для нее. Сидеть за столом и хлебать суп с лапшой, а потом падать на пол как подкошенная, с приступом рвоты, и выпускать в атмосферу газы из раздутого живота? Нет, не для этого она явилась на свет. В Прогрессивной национальной школе ее учили, что, помимо деторождения, женщины способны и на многие другие дела, такие как поездки на пикник, участие в скаутском движении и помощь себе подобным, занятия музыкой, в драматических и танцевальных кружках и спортивных секциях – особенно по гимнастике и плаванию; езда на велосипеде, когда ты позволяешь ветру обдувать тебе шею и играть с твоими волосами; влюбленности и откровенные разговоры о своих чувствах; и много еще других дел, которых лишило ее раннее замужество. Вместо этого ее бросило в удушающую толщу истории, в старинную усадьбу с мужской и женской половинами, где даже птицы не могут заглянуть внутрь домов, куда даже для ветерка был открыт только особый путь, и он не мог залетать, как ему заблаго-

рассудится; там был большой бассейн, в прозрачной воде которого она никогда не купалась и даже представить себе этого не могла. Потому что всегда, что бы она ни делала, за ней наблюдали чужие глаза, они глядели на нее и из парадного зала, и из «берлог» под террасой, и даже из крытого водохранилища, откуда всегда слышались какие-то таинственные звуки.

Тебе в глаза светят ярким фонариком. Дергают за руки и за ноги. Втыкают в кожу иголки. Тело это словно и не твое. Ты весь парализован – от шеи до ног; ты словно гниющая колода, внутри которой хозяйничают личинки и жуки.

По требованию врача ты поворачиваешь голову, мигаешь веками, но это – неполные движения. Твоя голова болтается на шее, словно ты – игрушечный медвежонок, в котором сломалась пружинка. Только чувства твои работают – и очень хорошо. Ты великолепно ощущаешь все запахи и вкусы, например, запах несросшихся швов... Мокнувших ран... Созревших опухолей... И видишь ты всё очень ясно: вот дезинфицированное небо за окном... Молодая медсестра, загоревшая в солярии... Врач средних лет с большим лысым черепом; его овечьи глаза с аппетитом пасутся на всём, что вокруг него.

– Вколите ему еще раз морфий.

– Слушаюсь, господин доктор.

Голос этой медсестры абсолютно идентичен голосу твоей матери. Врач выходит из палаты, и из-за двери ты слышишь голос жены, спрашивающей о твоем состоянии. Из слов врача ты понимаешь, что пережил инсульт и теперь парализован. Сквозь стеклянную дверь ты видишь, как жене твоей больно от этой новости; она теряет сознание, и Каве удерживает ее от падения. А тебе удивительно, почему ты сам не огорчен своим инсультом. Может, потому, что никогда в жизни ты не чувствовал себя так хорошо? Память твоя работает лучше, чем когда-либо: ты вспоминаешь самые далекие дни, с полной ясностью и в мельчайших деталях. Словно внутри тебя таилась скрытая энергия, и этот инсульт высвободил ее, и теперь мозг твой сжигает фосфор с невероятной скоростью. Тебе очень хочется закричать, устроить бучу, скандал, объявить всем, что ты чувствуешь себя великолепно. Тебе нравится твое возвращение к собственному детству, к людям, чье присутствие было столь ощутимым, к тем, кто жил больше с помощью воображения, чем мобильных; к тем временам, когда тонкое равновесие жизни поддерживалось с помощью кошачьих усов, когда даже вещи имели души, и их век был долг.

Остатки-Сладки сидел на скамейке во дворе и наблюдал за людьми, за ослами, за барашками; в это время подъехал почтальон на велосипеде. Он привез письмо для шазде. Остатки-Сладки побежал за Султаном-Али, тот взял письмо и понес его, как некую святыню, положил в нише в комнате шазде. Не прошло и часа, как крик шазде переполошил всех. Кто-то неизвестный взял конверт, сорвал с него марку с изображением его величества, а само письмо забросил в другую нишу – в верхней части стены.

Шазде сейчас был похож на пугало в поле, которое стоит после уборки урожая и продолжает распугивать птиц, хотя делать это уже поздно.

Султан-Али смотрел на эту верхнюю нишу и, чтобы показать собственную напуганность, закусил кисть собственной руки.

– Спаси Аллах! Неужели они – *эти* — грамоту знают, ваше высочество?

– Заткнись, дурень! Что ты несешь ерунду? Это юридическое письмо, какое дело до него нечистой силе? Я думал, ты просто тупой, а ты, похоже, из ума выжил... Полежай-ка наверх и достань письмо!

Султан-Али ногами встал на нижнюю нишу и потянулся к верхней, к письму, которое выскользнуло у него из рук, но и не упало, а зацепилось за что-то. Сам же он, как паук, висел, держась за верхнюю нишу, и при этом умудрялся дергать руками и ногами. Но он изо всех сил старался и достал-таки письмо из верхней ниши, и отдал его шазде. Так все узнали, что *они* вновь принялись за работу, причем на сей раз с большим искусством и коварством, чем прежде.

Каждый день в усадьбе случалось что-нибудь новое. Шазде маршировал туда и сюда, громогласно ругаясь. Еще никогда в жизни его не подвергали такому осмеянию. В этом доме словно перестали действовать законы физики. Всё, что угодно, могло куда-нибудь переместиться, и у предметов словно бы появилось своеволие. Бирюзовые серьги Ханум ханумы обнаружались в бурдюке с маслом. Иголки с нитками нацелились в сторону кухни, мешков с мукой и шкафчиков для посуды и продуктов. Банное полотенце и набедренная повязка старого князя, и даже его депилаторий¹⁶ обнаружались в чемодане Судабе-ханум. На крыше нашли русский флаг. Дедовский расшитый халат с галунами и портупея валялись в туалете. Опять же на крышу и во двор падали камни, причем громадного веса! Султан-Али каждое утро, просыпаясь, знал, что ему предстоит прежде всего убирать нечистоты. Эти твари каждый раз испражнялись в каком-нибудь новом месте: возле клумбы с вербеной, на ступенях крытого водохранилища, в отделении для мытья ног в бассейне... Дошло дело и до парадного зала особняка: коричневый цветок посадили прямо на узорный шелковый ковер... Тут-то шазде и пришла в голову мысль о противоядии. Перво-наперво он обсудил ее с внуком – господином Капитаном, однако тот предложил запросить помощь в полицейском управлении: пусть выделяют опытных сыщиков... Шазде был против. Он был уверен, что в этом случае их род, их семья станут в городе предметом усмешек и ухмылок.

Из деревни шазде призвал своего сына, Салар-хана, и держал с ним совет. Тот несколько ночей нес дежурство вместе с Султаном-Али: никого не поймали. С полной уверенностью можно было сказать, что эти дела творит не чужой, не приезжий. Или, и правда, нечистая, или кто-то, желающий свести давние счеты с их семьей. Салар-хан предложил всему семейству на время переехать в деревню, чтобы здесь улеглись страсти. Шазде не согласился. Необходимо было любой ценой докопаться до первопричины. Он даже думал, что, пока он не найдет виновника этих бесчинств, он не умрет – пусть даже эти поиски продлятся сто лет.

Султан-Али был озабочен тем, чтобы все-таки выполнить предписания знахаря. Дождаться смерти несовершеннолетней девочки и у обмывщиков на кладбище получить эту жидкость, опрыскать ею двери – и дело с концом. Но, и правда, ни одна девочка, похоже, не собиралась умирать...

Ханум ханума и Таджи действовали в меру своих сил, чтобы защитить самих себя. Во всех шиитских гробницах города оставили записочки и ленты. Всех до единого известных им молитвенников пригласили к себе. И все-таки пребывали в расстройстве и страхе, постоянно втыкали булавки в одежду, в платки, чтобы отогнать *тех*. Не только женщины, но и мужчины в туалет теперь по ночам в одиночку не ходили. И даже Судабе-ханум, хотя она и не верила в нечистую, увидела однажды вечером горбатую тень в винограднике и с тех пор испугалась и старалась не оставаться одна. В те ночи, когда господин Капитан бывал на дежурстве, она искала защиты у своего сына, не давая ему спать до тех пор, пока не заснет сама одновременно с ним. В усадьбе только обе «бабы-яги», кажется, не боялись *тех*. Как обычно, Обрез-Коса

¹⁶ Депилаторий – особый состав из гашеной извести с мышьяком для сведения волос с тела, что, по мусульманским обычаям, считается необходимым для эффективности ритуальных омовений перед намазом.

возилась со своими мешочками, а Быстроножка с сухим молоком; из ее комнаты доносилось этакое *хрун-хрун...* Старушкам – чего было бояться? Уже много лет их самих числили скорее среди мертвых или среди привидений...

Когда ночь подходила к концу и солнце с трудом поднималось над высокими глинобитными дувалами усадьбы, возвращалась нормальная жизнь. В последний день каждого месяца после полудня приходил шейх Мандали со своими душеполезными чтениями – отчитав их, уходил. Раз в месяц бывала у них и Хадж-ханум – женщина-травница, она лечила Шабаджи и снабжала ее лекарствами на месяц вперед. Это была добрая пожилая женщина с голубыми глазами и молочно-белой шеей, с миткалевой сумкой, полной разных трав, конфет-подушечек, сушеной бухарской сливы, инжира, сушеного тутовника. Еще у нее был с собой узелок с чернильницей, бумагой и тетрадкой для молитв. Всякий раз, как она видела Остатки-Сладки, она подзывала его и давала ему либо заговоренную конфетку, либо что-то из сухофруктов. А сама она – как ни уговаривали ее Ханум ханума и Таджи – никогда ничего у них не ела и не пила. Особенно решительно она отвергала чай с сахаром, называя их иностранной скверной.

Хадж-ханум – травница приходила в последний четверг каждого месяца, ближе к вечеру. Она усаживала Шабаджи на открытом месте и обводила ее по воздуху своей тростью, шептала молитвы, потом чертила окружность вокруг нее на земле. Она настолько была искусна в своем деле, что у Шабаджи действительно на время прекращались обмороки, пена на губах не появлялась, и выпученные глаза к небу не закатывались. Остатки-Сладки всего один раз видел припадок Шабаджи и сильно испугался, потом к ней старался не подходить.

Шазде весь день слонялся по огромному пустому особняку и чем-то напоминал старого кабана, метящего собственным потом свою территорию. Хотя все были согласны, что происходящее не имеет отношения к кошке Полосатке, он всё время придирался к животному и проклинал его. Особенно он недоумевал: почему у ее котят такая разная масть и внешность? Почему один черный, другой рыжеватый, третий, как и она, полосатый? Почему у этого голубые глаза, а у того оранжевые? И всякий раз, как поблизости появлялся кот-самец, шазде закипал гневом и бранил Султана-Али: зачем тот разрешает котам пакостить в усадьбе? Бедный Султан-Али! Теперь в его обязанности входило еще и караулить котов и палкой гонять их прочь.

В больницу собрались все: Сакине и ее муж; и один из твоих старых товарищей, он же друг сегодняшнего дня, Бахрам; и невестка, и внук – все, кроме твоего сына Каве: у этого франта, конечно, свои заботы. Тебя должны вот-вот выписать. Супруга говорит, что всё в доме готово к твоему возвращению. А внучка твоя, Баран, уже к тебе не ласкается по-прежнему: увидев деда в таком состоянии, она была ошеломлена. Хотя ей хотелось бы, чтобы ты, как и прежде, обнял ее, приласкал, купил конфету.

Собственные слабость и бессилие так огорчают тебя, что ты не можешь сдержать слез. Спасибо хоть на том, что шея твоя парализована не полностью, и ты можешь отвернуться, чтобы скрыть эти слезы. Теперь ты понимаешь, что состояние твое отнюдь не такое, как ты его себе представлял. Теперь тебе предстоит узнать жизнь с другой стороны: начинается последний акт твоей странной и необычной судьбы; тебе предстоит вкусить до конца долю, предназначенную только тебе одному и никому другому. Выбора всё равно нет. В семьдесят два года придется начинать новую жизнь, без права пользования девятью десятичными из имеющихся у человека возможностей движения. А ведь это – почти единственное, что было у тебя. Разве это не жестоко? В этом мире даже блохи и вши имеют возможность по собственной воле двигаться, питаться

и производить на свет себе подобных, а ты обречен до конца жизни лежать на кровати куском безвольного мяса.

Среди ночи шазде резко проснулся, услышав чей-то голос. В темноте недалеко от него сидел на подушке некий старик, похожий на него самого, и листал книгу путевых заметок о поездке в Европу. Шазде счел это собственной галлюцинацией и вновь заснул. Однако следующей ночью он вновь увидел того же старика: теперь тот взял его серебряные часы и тряс ими возле уха. После этого смутная догадка сменилась уверенностью: это был он, завернутая в войлок вонючая фигура... Великий предок – Большой шазде.

Шазде зажмурился и трижды прочитал «Бисмилля». Нужно было серьезно думать, что делать. Лучше всего срочно послать Султана-Али за Эльясом-иудеем. Если так пойдет дальше, то количество мертвых жителей особняка превысит количество его живых обитателей.

«Вот как ведет себя наш старший сын! Не хочет даже словом перемолвиться и узнать, что так мучает отца, что заставляет его приходить в особняк и брать книгу путевых заметок, и листать ее. И впрямь люди, покуда живы, гроша ломаного не стоят!»

Большой предок умер пятьдесят лет назад, но так и не ушел; причина тому была весьма важной, хотя для живых – для тех, кто «на той стороне» – она могла показаться смехотворной. Он не ушел потому, что обязан был довести до конца свое погребение, а именно – добиться, чтобы, согласно законам шариата, его погребли в земле. Он не уйдет, пока не передаст членам рода это послание, пока не внушит им эту мысль.

Великий предок за эти пятьдесят лет сумел трижды явиться своему сыну и объяснить ему, в каком состоянии находится его труп. Всякий раз, увидев его, шазде заливался слезами и давал слово, что разыщет его останки и с честью их погребет. Но потом ничего не происходило. Из-за приверженности к опиуму тот не помнил свои сны, вернее, он помнил, что видел во сне отца и что разговаривал с ним, но о чем – забывал начисто.

Поняв бессмысленность разговоров с сыном во сне, Великий предок принял другое решение. Двадцать лет он тренировался и наконец сумел сбросить со стены особняка свою старинную саблю. Но и это не привело ни к чему, кроме криков и ругани его сына, не желавшего понимать, по какой такой причине в ночь четверга отцовская сабля падает на пол. В итоге саблю прикрепили к стене загнутым гвоздем, так что теперь и живой человек не мог бы ее оторвать.

Потерпев неудачу во всех этих попытках, Великий предок в сто пятидесятилетнем возрасте нашел новый ход и после долгих упражнений сумел вселиться в тело кошки Полосатки, чтобы хотя бы с ее помощью передать семье свою весть. Но как он ни лежал, развалясь, перед парадным залом ни зыркал на своего сына, тот по-прежнему ничего не понимал; и остальные – то же самое. Единственным результатом было то, что бедную кошку выкинули прочь из города.

Существование Большого предка после этого потеряло всякий смысл, и он в основном бездельничал. Слонялся тут и там... Можно было делать всё, что угодно, и больше всего ему понравилось бродить по улицам. Дождавшись, пока кто-нибудь кинет окурок, он поднимал

его и докуривал. Часами сидел, рассматривая автомобили и напрягая свой мыслительный аппарат, чтобы понять, как они бегают, не покушав сена или люцерны. При виде оружия полицейских глаза его вспыхивали. А лицезрение женщин, разгуливающих по городу без платка, чадры и шаровар, никогда ему не надоедало. Можно подумать, что вся страна стала монаршим гаремом и даже хуже того. И другим изумительным вещам не было конца. Зачем-то люди все крыши домов засеяли кустами с железными ветками – без листьев, плодов и даже не дающими тени. Вся польза от этих железок – лишь для ворон, сидящих на них и гадающих вниз.

Тот день Большой предок никогда не забывал. Человек ведь не может забыть день своей смерти. Это было летом, ровно в пять вечера, он только занялся делом – курением, – и вдруг неожиданно всё прекратилось: вот так запросто. А потом начались его посмертные несчастья. Если бы отец нынешнего Султана-Али не нашел его сразу же и не уложил ровно, не подвязал бы ему большие пальцы ног, а также челюсть, не закрыл бы ему веки, – неясно было, как восприняли бы, в каком состоянии нашли бы его возле фамильного инкрустированного мангала. Например, как воина, в задумчивости прикоснувшегося губами к рукояти своей легендарной палицы, или как всесильного и славного падишаха, опустившего трубку для курения опиума и невзначай заснувшего возле мангала... а слуги годами боялись бы его потревожить и оставляли бы всё нетронутым, пока муравьи не изгрызли бы деревянные части его трубки, после чего он грохнулся бы лицом прямо в мангал – лишь тогда все поняли бы, что он мертв.

Его положили в саду недалеко от подземного канала, омыли его тело водой с камфарой и раствором из листьев держи-дерева: сначала голову и шею, затем правую часть тела, после нее – левую. Но завертывать в саван его не стали. И «колодки друга» не подложили ему под бока: они нужны, чтобы покойник мог опереться на них и полусесть в тот момент, когда к нему прилетят Накир и Мункир¹⁷; так ему легче будет отвечать на их роковые вопросы. Таким образом, он оказался в положении некоего транзитера, не то уезжающего, не то остающегося. Выходит, он совершил ошибку, написав в завещании, что должен быть похоронен возле гробниц святых имамов?!

Возле его мертвого тела рыдали и скорбели девять жен, восемнадцать сыновей и единственная дочь. Сыпали пепел себе на головы и растирали его по лицам, рвали на себе волосы. Не раз приходилось подносить к носу нашатырь, чтобы привести ту или другую в чувство...

Вознося молитвы, тело подняли на руки и отнесли в глубь сада. Но погребальный намаз читать по нему не стали. Положили его в его похожую на склеп комнатенку и замазали вход глиной. Следовало дожидаться разрешения на перевозку покойника за границу, затем окончания зимы; лишь после этого определились с его отправкой.

Спустя три месяца процесс раздела его собственности между наследниками шел своим чередом, а он лежал в небрежении. Наконец,

¹⁷ Накир и Мункир – ангелы, которые, по мусульманским верованиям, прилетают в первую ночь после погребения допрашивать умершего о его жизни, делах и вере.

под руководством главного городского муллы, вскрыли его хижину и вынесли тело. Весь сад наполнился отвратительной вонью, но удивительно было то, что насекомых на нем не оказалось. Оттого, что он курил много опиума, тело его сделалось ядовито-горьким, отталкивающим для них. Насекомые, похоже, не хотели заразиться от него болезнью забвения.

По указанию муллы его тело вновь облили камфарой и раствором держи-дерева и розовой воды, запеленали. Погонщик мулов принес большой кусок войлока, и тело закатали в него, затянули веревкой в голове и в ногах. Потом положили этот сверток в гроб с крышкой, а гроб погонщик взгромоздил на мула, привязал покрепче и тронулся в путь. Народ вышел проводить его за усадьбу, потом вернулся к своей обычной жизни.

Строптивного мула погонщик вел в поводу, дороги выбирал окольные. В полдень останавливался, вынимал еду из своей торбы, притороченной рядом с гробом, обедал хлебом с маслом, потом двигался дальше. Видя его груз, люди обходили его стороной. Сильная, резкая вонь из гроба многих обращала в бегство. Некоторые по этому мертвому страннику читали молитвы. Попутчиков не находилось, а в трактиры, караван-сарай погонщика не пускали. Он вынужден был находить уединенные места и там сгружать гроб и давать мулу отдых. Перевозка трупов была работой презираемой и трудной, но и вознаграждение владельцы умерших платили хорошее.

Уже вблизи границы погонщик узнал, что в районе святых городов свирепствует холера и что все, кто может, разбегаются из этих мест. Но его путь лежал как раз туда, к кладбищу Вади-ас-Салам в Наджафе¹⁸: именно там тело несчастного должно было обрести вечный покой. Погонщик знал, что, пока тело не опустят в могилу, дух умершего не успокоится. На своем веку он повстречал много неприкаянных душ. У каждой такой души был какой-то свой холодок, который погонщик чувствовал кожей; как, например, он чувствовал и дух этого шазде, шедшего за ним по пятам и своими разговорами взбадривавшего его, чтобы он не заснул. С первых шагов пути он его чувствовал рядом с собой и так привык к нему, что, приступая к еде, говорил и ему: «Угощайся!» Нужно было любой ценой доставить покойника к месту назначения, иначе его дух до конца жизни погонщика не оставит его в покое.

Недалеко от границы был выставлен карантин, и чиновники-османы никого не пускали на свою территорию. И возчика завернули сюда же, где без дела томились сотни людей. Пути вперед ему не было, как он ни умолял. Османских чиновников можно было понять: ведь его груз не был скоропортящимся пищевым продуктом. Труп на спине мула и так долго терпел; пусть сожмет зубы и еще подождет.

Однако не прошло и двух-трех часов, а запах трупа стал настолько раздражать чиновников, что они пропустили возчика через границу – но с условием, что он вернется назад только после того, как эпидемия холеры закончится. И он двинулся в путь один-одинешенек.

¹⁸ Наджаф – город на территории современного Ирака, где похоронен Имам Али, четвертый мусульманский халиф.

В устрашающей тишине на пустой дороге он слышал голос Великого предка, читающего молитвы. В первом же селении погонщик увидел людей настолько оголодавших, что они ели траву, и цвет их кожи отливал зеленым. Прямо у дороги были свалены трупы умерших от холеры, и никто не решался к ним подойти. Погонщик еле вырвался из лап этих голодных. Но в следующем селении на него напали и отняли всё, что он имел съестного: хлеб и масло, крупный черный изюм, орехи и шарики сухого молока. Даже чай ему не оставили. Хотели и мула отнять, но рыдания, вопли и толика денег позволили отстоять напуганное животное.

Он двинулся дальше к Наджафу. Ноги уже не держали, и он понимал, что из следующего города живым не выйдет. Нужно было принимать решение. Он не мог вернуться назад и не в силах был добраться до святых гробниц. И он решил, что временно где-нибудь спрячет тело, а в следующий раз все-таки доставит до места назначения.

Попросив на это разрешения у духа Шазде, возчик свернул с большой дороги. Вскоре он набрел на старые, заброшенные колодцы, ведущие к подземным каналам. Выбрав неглубокий сухой колодец, сгрузил туда гроб и завалил камнями и землей. Прочитал «Фатиху» по покойному, еще раз попросил прощения у него и повернул обратно к границе. Но едва отошел от колодца, как из-за холма выскочил какой-то вооруженный человек и выстрелил в него. Пуля ударила в грудь, рядом с висящим на груди мешочком, в котором он хранил деньги. Погонщик еще сделал несколько шагов и попытался что-то сказать, но колени подогнулись, и он упал, слезы полились из глаз. Умирая, он видел, как этот мужчина-араб подбежал к нему и срывал с него одежду, кошелек с шеи. Выплывая кровь, успел он взглянуть и на мула, глядящего на него в испуге, и на ручей своей крови, текущей к корням куста возле караванной тропы. В последний миг жизни он вспомнил, что не читал ни полуденный, ни послеполуденный намаз, попытался повернуться лицом к Кибле и не смог. Расстался с жизнью, лежа лицом к востоку. Всё было кончено...

Мужчина-араб уже похлопывал по крупу мула, обнажив в ухмылке желтые, выступающие вперед зубы. На мясо молодого мула найдется много покупателей, и в этих условиях можно было выручить очень хорошие деньги.

Дождь лил густыми струями, и казалось, что с неба свисают волчьи хвосты. Из крытого коридора вначале появился толстый живот Эльяса-знахаря, потом и весь он, облаченный в абу из верблюжьей шерсти, в тюбетейке на голове и с торбой через плечо. Глаза его отливали желтым, как и опаловый перстень на его пальце; это было какое-то особенное, ясное сияние. Женщины смотрели на него с любопытством и страхом. Султан-Али, как всегда, стоял при входе в особняк. Но шазде не показывался.

Эльяс-знахарь прямо здесь, прежде чем с кем-нибудь поздороваться, уже начал свою работу.словно полицейский инспектор, он осматривал стены, двери; ничто, казалось, не ускользнет от внимательного взгляда. Спустился в подвал под особняком и прежде всего обратил внимание на большие емкости с уксусом и соком незрелого винограда.

– Поставлен ли на контроль уксус и сок незрелого винограда?

– Нет... То есть как?

– А так, что *они* по природе своей огненны и любят именно эти жидкости. Их медом не корми, а дай сунуться в соленье и маринад.

Знахарь с таким уважением произносил слово «они», точно нечистая сила стояла вплотную рядом с ним. Султан-Али взглянул на кувшин с гранатовым сиропом и, как всегда нечетко выговаривая, сказал:

– О Аллах, и я тоже замечал, что никак отведывает кто-то... Думал, а ну как кто-то из женщин, а то, глядишь, мои собственные детишки... Вон, глянь: следы пальцев остались...

Эльяс-знахарь с таким гневом глянул на него, что лицо Султана-Али приобрело цвет неперебродившего уксуса.

– Осторожнее выражайся, любезный! Даже за спиной человека нельзя так говорить, тем более о *них* — более живых, чем любой из нас!

И он пожевал губами и поклонился в сторону темного угла подвала, давая понять *им*, что не следует принимать всерьез слова этого мужлана. Выйдя из подвала, знахарь направился к крытому водохранилищу, заглянул в него. В темном пугающем пространстве было видно, что резервуар полон почти с верхом: оттуда доносились словно бы чьи-то таинственные голоса. Заклинатель прочел молитву и дунул на водохранилище, потом поднялся на крышу здания, с таинственным видом дотронулся пальцем до купола.

– Посмотри. Видишь следы их ног? Именно здесь они и ходят.

Сильный дождь плескался на глинобитных поверхностях, с шумом воду извергали вниз водосточные трубы из обожженной глины. Султан-Али глядел на копытообразные следы *их* на глинобитной крыше с возрастающим страхом. Вот-вот он, казалось, потеряет сознание, не только от страха, но от самого факта, что он видит ясные и неотрицаемые знаки *их* присутствия. Да, сейчас воочию он видел невидимый мир; а сами эти шаги загадочных существ он, засыпая и просыпаясь, слышал над своей головой, на крыше, едва ли не каждую ночь.

Эльяс-заклинатель читал молитвы и дул на эти следы, потом спустился с крыши. По дороге заглянул на кухню и ее тоже продезинфицировал молитвой. Возле «берлоги» заметил Обрез-Косу, которая пялилась на дождь, словно глазами связывала его струи в узлы. Он задержал на ней взгляд, негромко пробормотал заклинание и пошел к особняку. Губы его двигались безостановочно, а загадочность поведения привела к тому, что всё пространство еще больше, чем прежде, казалось наполненным *ими*. Молитву заклинитель читал так, словно хотел этим чтением охладить свои пылающие губы и рот.

– Я должен увидеть шазде, – сказал он. – Имею честь доложить кое-что лично его светлости.

Султан-Али передал просьбу знахаря шазде. Тот допустил к себе Эльяса с чувством беспокойства. Гордость мешала шазде признать в этом вопросе превосходство над собой загадочного иудея.

Войдя в главный зал особняка, заклинитель уселся перед шазде, и его выразительный взгляд словно наполнил весь этот зал.

– Ваше высочество, имею для вас срочное сообщение: они очень сильно обиделись на вас. Большая дерзость, однако предлагаю вашей светлости сделать упреждающий ход. Кажется, они испытывают некоторые мучения.

– Какие мучения, уважаемый? Может, нам еще и извиниться перед ними?

– Что ж, господин, они ведь тоже – создания Аллаха. Они, как и сыны Адама, могут пугаться. Они производят на свет потомство. Испытывают душевные муки, могут терять терпение. Поведением они нам подражают. Читают книги, как и мы, вешают себе украшения на шеи и соревнуются с нами в том, как показать себя...

– Мы поколение за поколением жили в этой усадьбе и ничего такого не слышали и не видали. Что же случилось именно сейчас, что они вдруг вылезли на свет Божий? Конечно,

разные загадочные вещи всегда происходят, но до такой наглости... Мне сдается, это от какой-то из женщин идет, из их головы.

– Очень может быть, ваше высочество. В силу того, что женщины ограничены умом и вообще созданы из левого ребра Адама, нечистые именно их используют как точку опоры. Не исключено, что одна из слабых женщин весьма сильную молитву зарыла где-то в углу усадьбы. В любом случае, им причинили муку и боль, и надо как можно скорее это поправить, в противном случае...

– Что ж, допустим, что им причинили боль. Каково лекарство?

– Я пока этого не знаю... Я должен *задать вопросы*...

– Вопросы кому?

– Их вождю.

– Что ж, задавай.

– Это не очень просто. Я должен *посмотреть ноготь*.

– Смотри.

– Здесь есть ребенок, еще не вышедший из возраста невинности?

– Как ему не быть... Да вот хотя бы... Внук его высочества.

Шазде сердито посмотрел на Султана-Али, а Эльяс только сейчас заметил Остатки-Сладки, который стоял у дверей и с изумлением глядел на знахаря.

– Подойди сюда, хороший мальчик.

Шазде подумал о возможной гневной реакции Судабе-ханум, но ничего не сказал. Эльяс взял Остатки-Сладки за руку и поставил его перед собой. Вынул из своей торбы целую горсть каких-то шутоквин. Большой палец на левой руке мальчика он смазал оливковым маслом. Взял очень тонкий калам для письма и черными чернилами нанес на ноготь какие-то кривые черточки, потом сказал:

– Мальчик милый, смотри только на этот ноготь и, как только увидишь, что несут трон, сразу дай мне знать.

И знахарь начал читать молитвы и бросать кости. Остатки-Сладки уставился на свой блестящий и выпуклый ноготь и на черточки на нем, которые начали извиваться и двигаться туда-сюда.

– Принесли трон?

– Нет!

Но через некоторое время одна из черточек ожила и превратилась в крошечного человечка. Он снял со спины трон и поставил его на землю. Появился шах в короне и с большим носом и воссел на трон.

– Принесли!.. Принесли...

– Кто сел на трон?

– Шах в короне.

– Спроси его: что он хочет от живущих в этой усадьбе?

Шах в короне вдруг посмотрел на Остатки-Сладки и очень тоненьким голоском начал кричать и ругаться. Чернильные линии пришли в движение и превратились в окно, ружье, солдат, в уходящие вдаль длинные улицы, в тюремную решетку, в девушку с окровавленным лицом, в багровые гранатовые плоды. В голубей...

– Что он говорит?

– Ничего... Кричит только.

– Послушай внимательно: что говорит?

Мальчик вслушался.

– Говорит, почему вы не думаете о ваших умерших?

– Говорил я вам, господин? Очень хорошо, поблаговари его и скажи, что это не повторится.

Картинки с блестящего ногтя исчезли и превратились в кривые черточки на нем, и Остатки-Сладки вдруг расплакался. Эльяс погладил его по голове, прочитал молитву и подул на него. Мальчик встряхнулся и побежал на террасу, в объятия Таджи.

Заклинатель же снова начал кидать кости и размышлять над ними: всматривался в узоры предопределения, в параллельные линии судеб, в обманчивые блики фортуны. Он бормотал молитвенные формулы и начал раскачиваться. Его качания должны совпасть с движением планет и небесных сфер. Из одержимого духами сегодня он перенесся на орбиту далекого прошлого... Но нет! Это заклятье снять не получится.

Шазде был раздражен его поведением. Эльяс, похоже, тайно был занят разглядыванием некоего соблазнительного зрелища: он вглядывался в брошенные кости, но вдруг, якобы случайно, опаловые шары его глаз закатывались вверх – к бровям, ко лбу – и там пропадали. Руки его вдруг скрючивались, и создавалось такое впечатление, будто его только что выбросили из женской бани, и вот он приземлился в центре этого зала.

Шазде еле сдерживался. Заклинатель потребовал чашу воды – Султан-Али принес. Эльяс схватил ее и глотнул из нее. Его состояние пришло в норму, и он уже вежливо присел и написал текст молитвы разведенным в воде шафраном, почерком кривым и неразборчивым, словно муха вылезла из шафранового шербета и перебирала лапками. Эту молитву он бросил в медную чашу и сказал, что все, кто живет в усадьбе, должны отпить этой воды. Объявил:

– Узел вашей трудности развяжется на кладбище. Вы должны сорок четвергов вносить пожертвование на помин умерших вашего дома.

Написал еще одну молитву и сказал, что ее в первую ночь нового месяца нужно бросить в воду подземного оросительного канала. Знахарь настаивал: если его предписания будут исполнены в полной точности, то вскоре *они* оставят всех в покое.

Получив большие деньги, Эльяс ушел. Шазде был так раздражен, что – не подходи к нему. И снимающий порчу эликсир пили все, кроме него. А он не понимал, кого он больше ненавидит: живых или мертвых? Пошел прилечь, как обычно делал днем, чтобы проснуться в готовности к пятичасовой вечерней трубке.

По пандусу твое тело на коляске спускают в больничный двор, и это немного напоминает транспортировку бараньей туши на рынке. Потом Каве берет в охапку твое бесчувственное тело и с помощью собственной матери помещает его на сиденье такси. Жена садится рядом с тобой и берет твою парализованную руку, которая не чувствует ничего, даже тепла ее руки – того тепла, которое порой для тебя равнялось жизни; через мягкое рукопожатие она передавала тебе волны своей любви и покоя... Как много ты потерял, потеряв чувствительность!

Тебе кажется, что жизнь освободилась от тебя и идет дальше своим чередом. Впервые ты остался в стороне от всех, словно между тобой и обществом разверзлась глубокая пропасть. Ты всё видишь, но вмешаться не можешь. Смотришь на улицу, а люди спешат туда и сюда и не обращают никакого внимания на этого парализованного; они безразличны, холодны, не замечают тебя. Нет ощущения, что они не досчитаются кого-то себе подобного, что на одного стало меньше в очереди за хлебом, в толпе на пешеходном переходе, среди тех, кто внимательно выбирает спелый арбуз...

Было пять часов вечера, но шазде словно бы и не собирался вставать. А еще не бывало случая, чтобы сон его так надолго затягивался. Он задремывал на полчаса и вставал – бодрый и внимательный; как кошки, у которых три пары век, и когда они дремлют, они всё видят

через третье веко, хотя оно и закрыто. Зная всё это, Султан-Али никогда не решился бы опростоволоситься и разбудить хозяина. В жизни такого не было, чтобы старого князя нужно было будить: он и так всегда бодрствовал...

Разожженные угольки в мангале покрывались пеплом... Мирза-хан уже не выдерживал. Зевота его становилась совсем нестерпимой. И он встал и пошел в комнату старого князя. Шазде лежал как-то боком, скорчившись, словно старик, сделавшийся вновь зародышем и пребывающий в том сне, которому нет толкований...

– Ваше высочество?!..

Старик словно ждал, чтобы кто-то его позвал – тогда он встанет. И когда он услышал голос, он ахнул, сердце лопнуло, и конец! Не для того же он явился в мир, чтобы долго умирать...

Мирза-хан опрометью выбежал в главный зал, а когда увидел приготовленный стол, ударил себя кулаком по лбу. Семейная опиумная трубка Саларов лежала, сиротливо и беззащитно, чашечкой на инкрустированном мангале, а чубук ее, словно тело шазде, потихоньку остывал.

Слезы будто вскипели в глазах Мирзы-хана. Лицо его стало похоже на надрезанную головку опиумного мака. Шутка ли?! Сорок лет каждый вечер в пять ты курил вместе с человеком, выпуская дым в небо, а теперь в небо полетел его дух... Так будь ты проклят, Мирза-хан, если после этого сможешь получать кайф от трубки! Хоть бы и опиумный мак после этого дня прекратил расти на земле. Пусть ни в одном чубуке не раздастся это сипение и свист. Зачем теперь и сетку для углей раскачивать? Зачем угольки доводить до яркого горения? Чайник для кого теперь ставить ровненько на мангале?

На крик Мирзы-хана сбежались все женщины усадьбы. Ханум ханума смотрела на шазде и не верила своим глазам. Нет, не может того быть, чтобы он умер. Наверняка он просто их испытывает. И сейчас встанет, затаится из своей трубки и такое удовольствие получит, словно ребенок, в первый раз в жизни приникший к материнской груди...

Таджи плакала и причитала, как того требовала традиция. Султан-Али стоял у окна и не мог отвести глаз от подушки, на которой сживал шазде... пустота на месте человека, который бросил вызов времени и воевал с ним, который под этими синими небесами приговорил к наказанию, к пытке сотни людей, который словно бы для того явился в мир, чтобы кусты опиумного мака и деревья джиды не чувствовали себя бесполезными... Этот человек девяносто пять лет чередовал день и ночь, и трижды сгнили приготовленные для него саваны, а он всё был жив. Нет, невозможно было поверить, что он вот так неожиданно умрет.

Оповестили Салар-хана. Он пришел, немного поплакал и занялся рутинной дел. А на следующий день утром все сбежались в усадьбу как на пожар: чтецы Корана и «фатихи», и завсегдатаи поминок, и трактирщик, и гробовщик, и главный городской мулла. И понесли тело в его последний путь. Шазде он или не шазде – разницы нет: мертвого нужно похоронить.

Тело его вынесли из усадьбы и трижды клали на землю и вновь поднимали, чтобы оторвать его сердце от семьи, от особняка и от любимой трубки. Под кашмирским легким покрывалом он как-то раскинулся, точно потягивался. Неужели и впрямь не мог Азраил¹⁹ на час позже забрать его душу, чтобы он не покинул мир в том расстроенном и развинченном состоянии, которое бывало у него перед пятью часами вечера.

На похороны пришло чуть ли не большинство жителей города – те люди, которые либо сами, либо в лице своих предков отведали палку, или кнут, или даже саблю Каджаров. Но сейчас они так скорбели над гробом шазде, будто потеряли самого дорогого им человека. Что бы ни говорили, но благодатное влияние этого семейства затронуло очень многих. Сколько каналов и арыков прорыли, и сколько возникло садов и загородных вилл! Все понимали, что,

¹⁹ Азраил – ангел смерти в исламе.

если бы родовые схватки у жены Хусейн-кули хана Каджара не начались именно в этом городке фруктовых садов, то он и остался бы глухоманью или вовсе захирел. Важнее всего, быть может, было то, что в саму человеческую породу Каджары внесли генетическое разнообразие, ведь тут, благодаря красивейшим девушкам, например, грузинкам или черкескам, смешались самые разные расовые типы... Лица с кожей светлой или красноватой... Русые и каштановые волосы, точеные тела... Глаза как молоко посреди выжженной солнцем пустыни...

Ханум ханума, Таджи, Шабаджи, рыдая, убивались чуть ли не насмерть. Посторонние женщины старались от них не отстать. Судабе-ханум в чадре из крепа с сеткой привлекала всеобщее внимание. Хотя она и не питала к шазде горячих чувств, но и она полслезинки уронила.

Покойника опустили в могилу, и первую лопату земли бросил на него Султан-Али, словно хотел самому себе доказать, что его хозяин действительно умер. Мирза-хан и остальные тоже бросали в могилу горсти земли с таким видом, будто желали поскорее забыть шазде. Ведь правильно сказала Ханум ханума: земля по природе своей холодна и приносит забвение.

Саван шазде еще не просох от слез, а уже слетелись наследники – сыновья, которые старились параллельно с отцом и отнюдь не пылали к нему любовью. Их приезд был полезен в одном отношении: подтвердилось, что из двенадцати сыновей шазде, кроме самого младшего, о котором никто не имел вестей, и кроме еще двоих, которые умерли, все остальные живы и здравствуют. А следовательно, вся собственность: мельница и два участка земли с ирригацией, и крохотные деревеньки в три дома, и несколько садов, и большие площади полей под посевами – всё это разделили на соответствующее число долей, и каждый из сыновей вступил во владение своей частью. Свое получила и единственная дочь шазде. Особняк и его утварь, и три доли из шести приусадебной деревни, согласно завещанию, перешли во владение Салар-хана и Ханум ханумы.

После смерти шазде здесь ничего не изменилось – точно он всё еще был жив. Тут и там в особняке чувствовалось его присутствие. Салар-хан переехал сюда из деревни и полностью занял место своего отца. Лишь иногда он ускользал погостить в деревню ко второй жене. Таджи ходила гоголем: после стольких лет она опять заполучила мужчину в свои руки.

Салар-хан отнесся ко всему, что унаследовал, очень по-хозяйски. Он даже не дал скучать отцовской трубке для курения опиума. Чубук, мундштук и чашечка – всё было согрето теплом его рук и как бы воспрянуло к жизни. И вот в пять вечера Султан-Али уже опять крутил на террасе сетку с углями – точно планеты летали по орбите; и сыпал в мангал пылающий жар, и готовил застолье нового хозяина – со всем, что этому сопутствовало: с Мирза-ханом, с чаем, сахаром-набатом, конфетами-подушечками и инжиром... И Салар-хан стал получать такое удовольствие от фамильной опиумной трубки, точно хотел разом схватить всё, что причиталось ему в этом мире.

Ты по-прежнему сбит с толку. Постоянно пытаешься протянуть руку, чтобы взять что-то – и не можешь. Порываешься встать, чтобы сходить в туалет – и не двигаешься с места. Хочешь почесать спину – невозможно. Жена пытается вновь привязать тебя к жизни. Твою деревянную кровать она переставила в холл, прямо перед телевизором, чтобы ни в чем тебе не было ущерба. Всегда вовремя дает тебе лекарства. Сын и невестка заходят регулярно, раз в несколько дней. Внучка к твоему состоянию еще не привыкла, но ее милое детское косноязычие уже приятно веселит тебя. И всё же, как ты ни стараешься, тебе не удастся прикипеть душой к этой жизни...

Тебе кажется, ты чуешь запах смерти. Этот загадочный душок сочится из пор твоего тела. Ценой больших усилий ты убедил жену переместить твою кровать из холла в комнату с окном. Тебе не хочется быть постоянно перед

ее глазами. А когда кровать твоя под окном, тебе видна улица и идущие по ней люди. Вернее, тебе видны только ноги... Но и у ног свой характер: вот эти безразличны, те энергичны, а те – в отчаянии... В результате долгого наблюдения за ногами ты стал узнавать некоторых людей. Вот это ноги старика в коричневых брюках, который каждый день рано утром, с палочкой, проходит мимо окна, направляясь в мечеть. Эта старая женщина свою четырехколесную тележку катит с таким трудом, точно в гору ее толкает. Эта молодая пара, как правило, влюбленно гуляет по улицам очень поздним вечером... Но ты не видишь ни одного лица. Только лица самых маленьких детей попадают в поле твоего зрения. Впрочем, жалоб у тебя нет. Так получилось, что с детства твое счастье всегда было связано с окнами, и очень много времени, причем самого главного в жизни, ты проводил у окна.

Винтовой самолет «Тайгер Мот»²⁰ сделал круг в пыльном небе над городом, пролетев низко над историческим минаретом. Люди выбежали из домов, залезли на крыши. Сделав круг, самолет возвращался и летел так низко, что виден был летчик. Теперь многие прятались от страха, а несколько человек упало в обморок. Султан-Али стоял на крыше возле вытяжной трубы и при виде летчика так перетрусил, что начал читать аят «Аль-Курси»²¹. И он еще не закончил чтение, когда самолет снизился и, не долетев до северного крепостного вала города, сел на площадке старого зернового тока.

Султан-Али слез с куполообразной крыши особняка и, выбегая из усадьбы, объявил женщинам, которые собрались во дворе и тревожно обшаривали взглядами небо:

– Самолет прилетел... Я сам видел... Приземлился уже...

Миновав главную и несколько садовых улиц, Султан-Али поспешил к зерновому току. Все бежали в ту сторону, даже городские сумасшедшие. Летчик меж тем слез из кабины на землю и подложил под колесо самолета камень. Никто не решался приблизиться к нему. В летном шлеме и с прочей амуницией он казался существом выше, чем человек, лишь по ошибке залетевшим в их затерянный в солончаках городок.

Наконец некоторые проявили мужество и подошли к нему вплотную, и даже притронулись к нему – словно к некоей священной статуе. Кто-то и вовсе – как в омут бросившись с головой – пощупал раскаленный, как бы живой корпус летательного аппарата. Появился испуганный местный полицейский, в форменном кителе, но в домашних штанах, тогда летчик, словно старший по рангу военный, поручил ему обеспечить сохранность самолета – а он заглянет в отцовский дом и вернется. Тут все воззрились друг на друга в полном недоумении. Но когда летчик снял шлем с очками, то его узнали и от радости даже закричали «ура». Это был он самый, «Считай-Ворон», двенадцатый сын шазде и самый младший брат Салар-хана: много лет назад он уехал из города и ни разу не возвращался. И столько времени прошло, а он совсем не изменился. Вот он идет той же походкой, что и многие Салары: точно боится наступить на нечистое; и смотрит тем же фамильным взглядом: словно выцеливает глазами отставших перелетных птиц в небе. С той разницей, что теперь он водил самолет по загадочным небесным маршрутам, и соленые следы от слез прочертили две белые черты на его щеках, как исчезнувшие весенние реки, что оставляют лишь высохшие русла в солончаковой степи.

Считай-Ворон был столь плотно окружен толпой, что Султан-Али не смог к нему протолкаться. И решил, что лучше он побыстрее доложит о прибытии сына покойного хозяина Салар-хану – принесет хорошую весть и получит хорошо на лапу. И он добежал назад одним

²⁰ Тайгер Мот (англ. Tiger Moth) – биплан 1930-х гг., служил основным тренировочным самолетом ВВС Великобритании до начала 1950-х гг.

²¹ Аят «Аль-Курси» (2: 255) считается одним из самых сакральных в Коране.

духом, а уже вбегая в крытый коридор особняка, обнаружил, что по пути потерял матерчатую обувь – гиве – с одной ноги. Но и в таком виде он побыстрее предстал перед Салар-ханом и, задыхаясь, словно вырывая с кровью из себя слова, отрапортовал:

– Ваше высоко... Ваше высоко... Да возрадуется... Братец... Пожаловали... С неба... в самолете!

Салар-хан равнодушно посмотрел на него и сказал про себя: «Те, кто ходят по земле, какими только коронами ни увенчали нас... Что может добавить сей воздушный родственник?» Но вдруг глаза его сверкнули невероятным светом. И правда, вспомнить одного брата из одиннадцати, от четырех-пяти матерей – законных или временных жен, – было делом простым, и потребовалось некоторое время, чтобы Салар-хан понял, о ком именно говорит ему Султан-Али: о пареньке, как бы одержимом неким головокружением, который однажды, в штормовой день, уехал в столицу и вот только теперь, через много лет, вернулся. Салар-хан знал, что за всё это время он лишь дважды присылал отцу открытки, с маркой, изображающей английскую королеву. В открытках было написано: у меня всё в порядке, я прохожу летное обучение в таком-то месте Великобритании. Шазде эти новости не объявлял во всеуслышание, ибо не хотел, чтобы знали, что его сын стал нахлебником хитрой британской лисы. До такой степени он не любил англичан...

Салар-хан поправил шапку на голове и вышел из главных ворот, чтобы встретить последнего сына своего отца. Увидев толпу, он слегка рассердился:

– У народа как будто других дел нет? Смотри... Облепили как жуки навозные!

Но толпа, из уважения к Салар-хану, к воротам вплотную не подошла. И Считай-Ворон сомневающимся шагом двинулся к брату. Да, это был тот самый юноша, словно вечно одержимый чем-то; он, помнится, больше времени проводил на крыше особняка, чем на земле. Пареньку этому из всего отцовского наследства досталась лишь пара горящих, горячих глаз...

Ханум ханума, несмотря на боли в ногах, вышла из комнаты и со слезами на глазах обняла его. Таджи начала читать «ривайи» – народные стихи для торжественных случаев, а Шабаджи суежилась с курением руты и тащила из кухни мангал. Даже Судабе-ханум показалась во дворе, чтобы увидеть таинственного летчика. Про себя говорила так: «Поистине невиданно и неслыханно! Семья Саларов и летчик? Нет, в этом племени летчик появиться не может. Погонщик верблюдов – да, но летчик?»

Считай-Ворон побродил по усадьбе, осмотрев всё острым взглядом пилота – но взглядом печальным. Всё было точно так же, как в тот ураганный день, когда он уехал из этого городка. И ему казалось удивительным, что в его семье всё еще готовят пищу на огне, сжигая дрова, воду берут из крытого водохранилища и верят, что в этом водохранилище водятся джинны.

...И вот он сидел перед своими родственниками и рассказывал им о стране, в которой люди вместо завтрака кушают обед, а вместо обеда у них полдник. Говорил о кораблях, более просторных, чем весь этот городок, о домах, что выше минарета главной мечети; о регионах, в которых девять месяцев в году темная ночь, но народ в это ночное время работает... Слова летчика всех весьма озадачили и вызвали многочисленные вопросы. Даже «бабы-яги» внимательно его слушали. Рассказы воздушного паренька очень напоминали сказки о волшебных перьях. Понятно было, что в голову ему там, в высоте, сильно надуло, так что ясного ума от него ожидать не приходилось. По той же, вероятно, причине он ни слезинки не пролил по умершему шазде и ни словом не обмолвился о собственной матери, четвертой временной жене старого князя.

Шазде стоял возле военной палатки и постукивал тростью по голенищу своего высокого сапога. Он принял решение известить под корень всю породу этих клопов-вредителей. И вот уже несколько дней его босые и черные от загара крестьяне-арендаторы по его приказу обша-

ривали холмы и ущелья в поисках этого клопика: мелкого насекомого, которое девять месяцев в году проводит на горах, в зарослях кустарника, но по весне хищно атакует поля, причиняя огромный ущерб будущему урожаю. Особенно вредны самки, которые спариваются прямо здесь, на посевах, и откладывают яйца на стеблях пшеницы и ячменя. Круглые прозрачные яички, похожие на бусинки четок.

Вредитель этот поистине вывел шазде из себя. Каждый год тучи его напоздали на поля, в результате и хозяйский, и крестьянский урожай многого не досчитывались. В некоторые годы вообще оставались без урожая, отсюда – голод. И вот шазде, полный веры в умственную мощь своих предков, составил план тотального уничтожения клопа во всём районе. Это была свежая мысль, никогда раньше не приходившая в голову сынам человеческим. По его приказу каждый крестьянин должен был сдать два сира²² вредителя. Таким образом популяция клопа сильно уменьшится, и он не сможет наносить вред полям.

К шазде подошла женщина с девочкой лет десяти-одиннадцати, с миткалевым мешочком с трупиками насекомых – на взгляд, не больше одного сира. Предъявив свой мешочек, женщина взмолилась:

– Ваше высочество, я с моей сироткой-дочерью уже сколько дней лазаем по горам, по холмам, вот сколько собрали этой гадости. Но у нас сил больше нет. Отпустите меня, ребенок грудной дома.

– Вы еще хуже этих вредителей. Зачем мы, по-твоему, лазаем тут по горам и холмам? Для блага вас же, арендаторов чертовых, чтобы от голода вас спасти. Это что, мне только нужно – для хозяйских полей – с ними бороться?.. Иди и работай, и не пой мне песни о сиротках некормленных!

– Ваше высочество, поглядите на эту девочку. Она от голода идти не может.

Жгучий взгляд шазде остановился на лице девочки, и настроение его изменилось. Он взял у женщины мешочек и, не взвешивая его, бросил в сундук. Потом достал из карманчика своего лапсердака золотую монету – ашрафи – и вложил ее в ладонь женщины, и сказал ей:

– Это калым за твою дочь. Плюс к этому еще пять баранов. Клопа вам больше собирать не надо. Иди и готовься к свадьбе. Главное, накорми ее, чтоб довольна была. Вечером на пятницу пришло к тебе человека, заберет ее. Поняла, что сказал?

Женщина, не веря себе, зажала в кулачке золотую монету, ответила:

– Всё, что вы прикажете, ваше высочество! Эта девочка – ваша рабыня.

И она взяла девочку за смуглую симпатичную ручку и повела с собой, чтобы как можно скорее всё это обделать. До вечера пятницы оставалось два дня. Нужно было сбегать в город и купить всё необходимое. Девочку помыть в бане и отдать наряжальщице. Да и о своем доме и своей жизни подумать. С тех пор, как ее муж, кяризник – специалист по рытью подземных каналов – погиб, задохнувшись в одном из них, ее дети досыта не ели.

²² Сир – мера веса, равная приблизительно 75 г.

– Спасибо Тебе, Аллах! Гляди, как шазде расщедрился на приданое этой сиротке!

Пятничным вечером сам шазде прибыл в особняк, и вот он в главном зале перед украшенным лепкой камином наедине с этой крохотной малолетней девочкой, больше похожей на куклу из хлопка, чем на невесту. На ее ручках красные пятнышки: следы жестокой борьбы с насекомым-вредителем, которое оставляет эти пятна, похожие на краску хны, с трудом смываемые.

Ночь вышла одной из тех ночей в жизни шазде, за которые ему было стыдно. Быть может, потому, что все его мысли были об этом вредном клопе. Он не желал быть побежденным этим мелким проклятым насекомым, но оно превратилось в его еженощный кошмар. После недель прочесывания гористой местности все его крестьяне сдали ему лишь два с половиной кило этой злыдни. Уничтожили тысячи тысяч насекомых, а всё равно кусты и поля были ими полны. Зря он не прислушался к словам Феридуна-мирзы, это был человек, учившийся в Дар-уль-Фунун²³. Тот сразу ему сказал, что убивать вредителя бесполезно. Ведь каждое яичко содержит сотни зародышей.

– Вы что, считали их, – спросил он шазде, – что собираетесь по одному их уничтожить?

Шазде его слова не хотел слышать – и не услышал, и было то, что было. Весной вредитель агрессивнее, чем прежде, накинута на поля, точно хотел отомстить за попытку его тотально уничтожить, – и теперь не оставил вообще ни одного нетронутого колоска. Шазде заболел от расстройства, он не мог смириться с мыслью, что горстка насекомых, вес которых не больше плевка, нанесла ему поражение. Но ничего теперь было не поделать. Он стал всеобщим посмешищем. Честь его, доверие к нему были потеряны, и ничего ему не осталось, как сесть за письменный стол и каллиграфическим почерком написать для издаваемой им ежедневной газеты: «Мы распорядились, чтобы наши крестьяне полунагие, страдающие от голода и неурожая – уничтожили клопа-вредителя; но всё, что мы получили в качестве результата, составило около полумана²⁴ мертвых насекомых! Однако наверняка в этом деле есть мудрость, которую никто не постигнет, кроме Аллаха – Господа миров, и не подобает нам, Его посрамленным рабам, излишне любопытствовать, вопрошая: почему вредному клопу отдан на расхищение хлеб насущный наших крестьян?»

Он написал правду. Однако эта бессмысленная тотальная война принесла ему и один полезный плод, а именно – то, что он сделал своей временной женой эту смуглую изящную девочку. Девочку, ставшую в конце концов женщиной и родившую ему сына – да еще с золотистым чубчиком. Однако после родов, несмотря на то, что в ее комнате повесили связку лука, она занемогла, печенки ее надорвались, и бедная женщина умерла в юные годы. А труд выхаживать ее сыночка достался Ханум хануме, которая и стала ему настоящей матерью. И натерпелась же она с ним, то доставая ему молоко, то выкармливая его

²³ Дар-уль-Фунун – первое высшее учебное заведение в Иране.

²⁴ Ман – мера веса, разная в различных районах Ирана: табризский ман – около 3 кг, шахский ман – около 6 кг.

миндальным киселем и сахарной пудрой, то обманывая его тряпичным рожком – но спасла ему жизнь и заставила шазде нанять ему кормилицу. А сколько потом было бед и борьбы с тифом и скарлатиной, и с лихорадкой, и опять спасла его и вытащила из небытия. В итоге еще увеличилась ее затаенная злоба против шазде. Ведь он не только привел новую жену на ее голову, но и обременил ее ребенком этой женщины. И ни разу он даже походя не поблагодарил ее за это. А зачем? Ведь он гораздо больше озабочен был воспалением собственной грыжи...

Считай-Ворон летную форму не снимал, но как будто бы и уезжать не собирался. Расхаживал по имению и, сколько бы брат ни спрашивал его «что случилось?» – отвечал лишь уклончиво. Но Салар-хан не хотел терпеть неясности.

– Мне нет дела до того, где ты был все эти годы и с кем был. Но я хочу знать: почему ты взял военный самолет и пригнал его в наше захолустье? В шахской армии что – дисциплины вообще нет? Завтра наступят последствия, а я ничего не знаю? Скажи мне правду: что случилось?

Салар-хан в конце концов так его прижал, что тот, вне себя, раскричался:

– Шахская армия умерла... В один день перестала существовать... Все эти «на караул!» и маневры, и построения, и утренние и вечерние поверки, и парады, и погоны, и звания, и воинская доблесть – всё это в один день превратилось в дым и улетучилось!

– Ты говори толком, я не понимаю: что произошло?

Рыдания вырвались из горла летчика. Говорить он не мог. Точно ощипанная курица вдруг забила крыльями во дворе.

В казарме аэродрома «Кале-морг» люди отдыхали и вдруг услышали гул нескольких самолетов в небе и выскочили на улицу. Русские самолеты свободно кружили вверху и сбрасывали на город листовки; в них говорилось о том, что советские и британские войска вступили на территорию Ирана с целью ограничения влияния в Иране нацистской Германии; обещалось также улучшение жизни иранских рабочих и крестьян.

Летчики сломя голову бросились к командиру авиабазы, требуя разрешения поднять самолеты для борьбы с врагом. Но разрешения он не дал, сославшись на то, что нет приказа от главного командования. Как ни настаивали молодые летчики – всё было бесполезно. Им оставалось стоять и наблюдать за полетами вражеских самолетов. В конце концов они взбунтовались и заперли командира в его кабинете. Потом Считай-Ворон и еще один летчик быстро подготовились к взлету. Но когда они поднялись в воздух, советских самолетов и след простыл.

Считай-Ворон там, в воздухе, был в растерянности: что теперь делать? Если вернется, то его наверняка отдадут под трибунал и жестоко накажут. А больше лететь было некуда. Тогда он пришел к мысли полететь в город его предков и там переждать, пока пройдет гроза. При этом по крайней мере самолет не достанется противнику, а он увидит своих родственников после многих лет разлуки. Дело дерзкое, на которое только и способен был член их семьи.

Он проглотил слезы, как глотают сухой абрикос – курагу, – разжевав и смочив слюной. Потом спросил:

– Я поступил плохо, что не отдал самолет иностранцам?

– А как ты думаешь, почему вчера Капитан не пришел ночевать? – Салар-хан ответил вопросом на вопрос. – Почему у нас в городе мертвый штиль возник? Сердце мое чувствует, что это просто так не закончится. Ты говоришь, на страну напали враги, а шахская армия со всей ее фанаберией вдруг рассыпалась... Нет, так не бывает. Надо что-то делать с этим самолетом.

Назавтра очень рано утром Султан-Али и Считай-Ворон пошли на площадку тока и с помощью еще нескольких людей на веревках протащили самолет по главной улице, вкатили его в усадьбу и там спрятали в конюшне. Завесили старыми коврами и дерюгой, чтобы он никому не бросался в глаза.

Ты слышишь голос жены из холла – беспокойный, испуганный: она говорит по телефону. Опять что-то стряслось, а ты не в курсе. Уже некоторое время она от тебя что-то скрывает. Ты вообще-то внимательно слушаешь всё, что происходит за пределами комнаты; это похоже на то, как если бы там текла бурная, ревушая река жизни – там, за пределами комнаты и за пределами дома, на улице. И реке этой нет дела до парализованного старика. У тебя лишь пустые ракушки воспоминаний... Кусочки древних окаменелостей...

Тебя беспокоит то, с какой самоотверженностью жена бросается на помощь вашему сыну и невестке. Ты отнюдь не ревнуешь – но тебе за нее тревожно. Конечно, если бы не она, семья Каве и его жены уже распалась бы. Видишь здесь Божью руку? Человек осуществил давнюю пламенную мечту и стал отцом – а сын оказался вот таким! Этот парень с детства был непослушным и упрямым. Всё время ссорился с другими и был недоволен своим местом в жизни. В начальной и средней школе оценки были неплохие, а потом пошло-поехало, и, имея хорошие способности, он провалился при поступлении в вуз: вынужден был пойти в армию. Там началась его главная проблема: пристрастие к курению и вину. После армии каких трудов тебе стоило найти ему работу! Главной проблемой стало то, что Каве в работу не вкладывал силы по-настоящему. Затем уперся насмерть: на счастье, мол, или на беду, но хочу жениться только на этой девушке! Не то чтобы Марьям не заслуживала доверия – проблема в том, что самому Каве невозможно было доверять. Но он все-таки настоял на своем и женился на ней, и ваши трудности возросли на порядок. Жена Каве – специалист и работает в офисе. А раз так, то ответственность за их дочь легла на плечи твоей жены. Покормить малышку, уложить спать, сделать прививки – в общем, всё от прорезания зубок до детских болезней, до врачей и лекарств. Лишь недавно – то бишь после твоего инсульта – Баран отдали в детский сад. А теперь у Каве возникли новые проблемы – пожалуй, что серьезные.

Супруга входит в комнату, в руках – кружка с соком сладкого лимона. По лицу ее видно, что она беспокоится. Вместе с тем она всегда заботится о тебе, словно богиня-мать. Она кормит тебя с ложечки как образцовая сиделка, не устает пичкать лекарствами. Ее снежно-белые руки подсовывают под тебя утку и опорожняют ее, когда ты сходишь и по-большому, и по-малому. Каждый день она по-матерински поворачивает тебя на бок, чтобы обработать твою спину детским тальком – от пролежней. Ставит тебе клизмы и до капли вкачивает в тебя весь положенный объем разведенного касторового масла – чтобы в кишках твоих от запоров не началась патология. Регулярно, обращаясь как с

животным, пребывающим в состоянии невинности, она тебя раздевает догола и моет твоё тело с мылом и мочалкой, чтобы в доме не было тяжелого запаха. Всё это она проделывает с такой сверхчеловеческой тщательностью, что твоё тело каждый раз от стеснения и стыда покрывается потом.

Она подносит кружку с лимонным соком к твоему рту. Взглядом и движением головы ты спрашиваешь у нее: «Что случилось? Чем ты встревожена?» Отвечает:

– Ничего особенного.

Ты хмуришься и не отводишь от нее взгляда, как бы настаивая: «Скажи правду».

Супруга убирает со своего лба непослушную прядь волос и отвечает:

– Нет, ничего! Каве был у ростовщика, занял денег. Марьям беспокоится: зачем это? Вообще, для чего он достает эти деньги? В общем, известное дело...

Ты говоришь, хотя и с большим трудом, гримасами, языком знаков:

– Опять, что ли?..

– Не знаю, – отвечает она. – Помоги Аллах!

Опять ты взглядом спрашиваешь:

– Всё еще-?..

Она смотрит на тебя горестно. И ты внушаешь ей движением головы: «Нужно... думать». – А из ее глаз катится слезинка.

Ты хотел бы очень многое выразить, многое сказать – но не можешь. Сил у тебя больше нет. А ты хотел бы, чтобы она поняла: это – наследственная, неизлечимая болезнь. Это судьба, которую навязали сыну предки. Хотел бы сказать, что есть в жизни вещи, похожие на питье сладкого лимонного сока: если их вовремя не сделать, последствия будут горькими, неприятными. Хотел бы спросить ее: почему тебе не нравится гранатовый сок? Или почему...

Слеза катится из твоего глаза тебе на шею; и в горле комок.

– Мы так не договаривались!

Она берет салфетку, вытирает твои слезы и приглаживает твои волосы.

– Завтра что у нас, ты помнишь?

Ты с трудом киваешь... Разве можешь ты забыть годовщину вашей свадьбы?

– Надо нам обоим немного принарядиться...

Ты улыбаешься – вкривь и вкось. Не горестно и не радостно, а словно инвалид от рождения...

Понемногу начали появляться разбежавшиеся солдаты-дезертиры. Несчастные и оборванные, похожие на изможденные привидения, они брели по старинному Хорасанскому тракту. Усталые, голодные, еле тащились; некоторые залезали в сады и огороды, другие просили милостыню. Сжалившись, люди давали им хлеба или еще чего-нибудь, другие, наоборот, издевались над ними.

Салар-хан позвал Султана-Али.

– Слушай меня внимательно. Завтра утром пойдешь на шоссе и будешь караулить дезертиров-солдат. Как появятся, заворачивай их сюда, сколько бы их ни было. Понял, что я сказал?

– Слушаюсь, ваше высочество! Осмелюсь спросить, если они скажут друг другу: этот, извините, мужик неотесанный, какое ему... Не хочет ли он нас, как бы сказать...

– Не хочет ли он нас ограбить или напасть на нас? Тьфу, опять ты меня перебиваешь, паразит!

– Я не имел намерения, господин!

– Знаю. Ты никогда не имеешь намерения. Ты вообще на свет родился без всяких намерений, живешь без намерений и помрешь точно так же.

Мирза-хан с высочайшим, падишахским выражением лица аккуратно отвернулся от мангала, а Салар-хан продолжил:

– Скажешь им: у помещика к вам есть дело. И точка на этом.

– А если не пойдут, тогда что? – А если не пойдут, то к черту все. Короче, ступай и выполняй то, что я сказал!

На следующее утро Султан-Али ушел из имения, а к полудню вернулся с тремя жалкими солдатами, один другого несчастнее: форма замызганная, животы подведены, лица измучены.

Ханум ханума распорядилась, и солдаты вымыли свои вонючие, загнившие ноги в отделении бассейна для мытья ног; после этого их допустили в особняк. Салар-хан сидел на своем обычном месте, развалившись на подушках, глядел на всё сразу и ни на что в отдельности. Чуть поодаль присел и Считай-Ворон. Солдаты поздоровались, поклонились и сели рядом вдоль стены. Из уст Салар-хана раздался только один звук: «с» из слова «салам». Как и его отец, он словно бы стеснялся произносить такое. Не то чтобы он у кого-то научился этому – таким он родился: поведение Саларов было полностью инстинктивным, как, например, у горных козлов.

– Мы в вашем распоряжении, господин! – это сказал один из солдат, с язвой, «алеппским прыщом» на лице.

Салар-хан прикрыл глаза и, кивнув, ответил:

– Времени для разговоров у нас будет много. А для начала – покушайте!

Солдаты переглянулись и сглотнули слюну. Увядавшие яблоки их кадыков запрыгали вверх и вниз, как реальные яблоки, упавшие в реку.

Султан-Али в гостевом доме раскинул нарядную скатерть. Шабаджи и ее дочь Сакине сновали в кухню и обратно, подавая Султану-Али подносы с едой. Да какой едой! Запах жареной баранины наполнил всю усадьбу. Подавался и плов с мясом и изысканной приправой, и жареное мясо с зеленью, и хорэш²⁵, и разные соленья и маринады, и кислое молоко, и свежие овощи с зеленью, и барбарисовый напиток-шербет, и большой котел с овечьим дутым²⁶...

У солдат ручейками потекли слюны. После приглашающего жеста Салар-хана они кинулись в атаку и начали глотать еду. Стало ясно, что оголодали они не после нападения на Иран союзников, а это было их, можно сказать, состояние от самого рождения. Начали они, конечно, с атаки на мясо. Пучками хватали зелень и отправляли ее в рот. Желания и времени жевать у них не было: глотали всё прямо так, не прожевывая. В мгновение ока тарелки с пловом и миски с хорэшем опустели. Когда они насытились – так сказать, под завязку, – они прислонились к стене, словно наполненные бурдюки. Веки отяжелели, и сил разговаривать у солдат не было. Салар-хан, довольно улыбаясь, вышел из комнаты.

Наевшиеся солдаты представляли собой такое зрелище, что женщины собрались у окна поглазеть на них.

– Вот так солдатики-смертники! – воскликнула Судабе-ханум. – И такие собирались защищать родину?

²⁵ Хорэш – кушанье из мелко нарезанного мяса, тушенного с овощами в томатном соусе, служащее приправой к рису.

²⁶ Дуг – прохладительный напиток из сбитого кислого молока, смешанного с водой или молочной сывороткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.